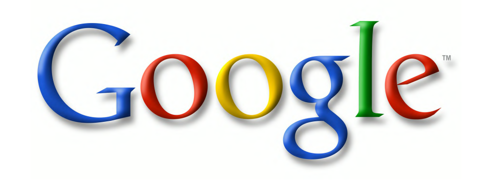

ET
VE RI
TAS
CHRISTO
ECCLESIAE

СТАРИНА

МАЛОРОССІЙСКАЯ, ЗАПОРОЖСКАЯ

и

ДОНСКАЯ.

СТАРИНА

МАЛОРОССІЙСКАЯ, ЗАПОРОЖСКАЯ
и
ДОНСКАЯ.

НИКОЛАЯ СЕМЕНТОВСКАГО.

Санктпетербургъ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, октября 23 дня 1846 года.

Цензоръ А. Очкинъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ФИШОНА.

СТАРИНА

МАЛОРОССІЙСКАЯ, ЗАПОРОЖСКАЯ И ДОНСКАЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Прежде нежели начну я разсказъ мой о старинѣ Малороссійскихъ, Запорожскихъ и Донскихъ казаковъ, обращу мысленный взоръ

читателя на безмѣрныя степи, арену подвиговъ казацкихъ. Степи эти были нѣкогда дномъ обширнаго моря, и если вѣрить Палласу, — море это заключало въ себѣ три моря: Аральское, Каспійское и Черное, и шумныя волны его раздроблялись съ одной стороны о скалы Карпатскія, съ другой катились до неровныхъ возвышенностей Общаго Сырта. Переворотъ, о которомъ въ Исторіи

Греціи осталось какое то темное преданіе, разорвалъ это безбрежное море и раздѣлилъ его на три моря. Оставшееся равное пространство, покрытое до того водою, осушилось, и на пространствѣ этомъ, по безграничнымъ степямъ, прокочевало множество различныхъ народовъ оставившихъ исторіи неразгаданную загадку своего происхожденія и конечной судьбы; а какъ свидѣтельство ихъ существованія и понынѣ возвышаются еще на курганахъ, разсѣянныхъ по степямъ, каменныя изваянія называемыя въ народѣ «Бабами», удивляющія насъ безобразіемъ и непонятнымъ своимъ назначеніемъ.

Вотъ все что осталось отъ минувшихъ вѣковъ и народовъ. Посмотримъ же что оставилъ намъ смѣнившій ихъ народъ—Казаки.

Въ этихъ же самыхъ мѣстахъ, въ странѣ «Казаріи» или, какъ называлъ ее Императоръ Константинъ Багрянородный Казахіи, отъ неизвѣстныхъ временъ является народъ, носящій имя сходное съ названіемъ страны, «Казаки». О происхожденіи и начальной судьбѣ этого народа, ни въ лѣтописяхъ, ни въ исторіи, нѣтъ правдиваго сказанія; но истинно только то, что казаки въ X вѣкѣ существовали уже въ земляхъ Русскихъ — Малороссіи и далѣе по Днѣпру, Дону и Бугу.

Подобно началу исторіи всѣхъ политическихъ обществъ и исторія Казаковъ начинается появленіемъ витязей, дѣла которыхъ переживаютъ многія столѣтія, записываются въ лѣтописи и служатъ потомъ первыми страницами въ исторіи народовъ.

Первые витязи казацкіе являются въ исторіи въ тысяча пятисотомъ году: за Днѣпровскими порогами, у Запорожцевъ Евстафій Дашкевичъ, у Казаковъ, жившихъ по сю сторону Днѣпра—Предславъ Лянцкоровскій.

Эти первые герои, явились уже въ то время когда соотечественники ихъ были знакомы съ гражданскимъ и политическимъ устройствомъ и имѣли отдѣльныя резиденціи, въ которыхъ жили прежніе предводители казаковъ не оставившіе въ лѣтописяхъ именъ своихъ. Почти въ это же самое время въ лѣтописяхъ появляются казаки Донскіе. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что происхожденіе ихъ было одинаковое съ прочими казаками и предположеніе, будто бы они составились изъ шаекъ бѣглыхъ московскихъ крестьянъ и другихъ праздно-шатавшихся людей, ошибочно.

Одно изъ этихъ братствъ казацкихъ собственно Русскіе казаки получившіе въ XVII столѣтіи названіе Малороссіянъ, а потомъ наименованы Украинцами, а земля ихъ Украйною, подобно Донцамъ, признали надъ собою владычество Русскихъ Царей и одно только Запорожье пребывало нѣсколько времени независимымъ ни отъ кого.

Съ самаго начала присоединенія своего къ Польшѣ, казаки Малороссійскіе начали испытывать утѣсненія и нарушеніе древнихъ правъ и обычаевъ. Польскіе магнаты не хотѣли знать, что *Русское рыцарство* присоединилось (въ 1340 году) къ Королевству ихъ на условіяхъ: *пакта конвента, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ*.

Утѣсненія эти были такъ сильны, что Руcкіе рыцари неоднократно жаловались Королямъ; случалось, что Короли подтверждали права рыцарства, дарованныя ихъ предшественниками, но сеймъ и магнаты вскорости же опровергали эти права и всѣми мѣрами старались казаковъ преобразовать въ своихъ крѣпостныхъ, а отчизну ихъ раздѣлить между собою на староства. Такія угнѣтенія продолжались до восшествія на Польскій престолъ Стефана Баторія.

Этотъ политикъ и полководецъ, прежде всего обратилъ вниманіе на устройсво Литовскихъ завоеваній въ Русскихъ земляхъ и 20 Августа 1576 года далъ граммату на имя Гетмана войскъ Русскихъ т. е. казачьихъ — Якова Богдана (Князя Якова Богдана Рожинскаго изъ рода Ягеллонскаго).

«Взглядомъ и увагою великихъ працъ рыцарства и войскъ Русскихъ, якіи воны показалы, и завше оказуютъ въ обороны и розширеніи общей отчизны отъ супостатовъ и извыклыхъ претендаторовъ зарубежныхъ, и найбарзій отъ тыхъ преклятыхъ иноплеменныхъ магометанцівъ и бусурманывъ, плюндрующыхъ отчызну и завертаючыхъ въ неволю людъ христіанскій, яко се недавно за королевство наше учынылося; але, мылостію Божескою, звоевательствомъ вирного Гетмана нашого Русского Богдана и войсками козацкими знатне одвернуто и одплочено; уставуемъ и подтверждаемъ вси права, вольности и привилегіи войска того и всего народа Русскаго, антецессорамы нашымы постановленныи и утвержденныи и, якъ изъ виковъ бувало, тако да пребудетъ на вичныи времена, и да неважить нихто одминяты и нарушаты правъ и свободъ въ добрахъ вичистыхъ и набытыхъ и во всякихъ маеткахъ»...

Подтверждая этою граматою права и привиллегіи казаковъ Гетманскихъ, Баторій даетъ Малороссіянамъ столицу *Батуринъ*, вмѣсто древней столицы казаковъ, *Черкасъ*. «Отправовать дѣла свои по прылычности въ новосозданномъ гроди нашомъ *Батурыни*, а

якъ потреба укажетъ то и въ Черкасахъ.» Запорожцы въ то же время получили подтвержденіе на владѣніе всѣми ихъ землями (Новороссійскими степями). «Столица ихъ переносится на устье Днѣпра, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Чертомлыкъ и Подпильна (нынѣ с. Капуловка, Екатеринославскаго уѣзда), древняя же резиденція Запорожцевъ находилась на *Чертомлыкѣ*.

Войска казачьи, какъ мы увидимъ ниже, получили новое устройство; гражданское управленіе совершенно преобразовалося.

Устроивъ эти рыцарскія общества казаковъ, Баторій поставилъ ихъ на ту степень политическаго значенія, которую они давно должны были занимать, но угнѣтаемые Поляками, оставались въ постоянномъ неустройствѣ и этимъ причиняли сами себѣ вредъ.

Преобразованіе, сдѣланное Баторіемъ усилило и умножило казачье войско и дало имъ возможность противустать сильнымъ врагамъ своимъ и защищать саблями древніе права свои и обычаи народные, а впослѣдствіи это преобразованіе послужило и къ отторженію ихъ отъ Польской республики и едва ли, если разсмотримъ ближе, не погибели самой Польши.

Умеръ Баторій (12 декабря 1586), и казаки не долго пользовались своими правами, дарованными имъ умершимъ королемъ. Опять начались отъ магнатовъ стѣсненія и угнѣтенія, нестерпимыя для благородной крови Русскихъ рыцарей, но рыцари наши были уже, какъ сказалъ я, въ силѣ и немедленно по нарушеніи ихъ правъ, обнажили сабли, для своей защиты, а не просили уже у сейма, какъ бывало въ минувшіе годы, изъ милости, подтвержденія своихъ вольностей. Первыя попытки Поляковъ, поработить рыцарей Русскихъ не удались, тогда надобно было придумать имъ сильное средство и оно скоро открылось.

Папа Климентъ VIII изобрѣлъ Унію, вѣра Римско-Католическая съ Греко-Католическими обрядами. Изобрѣтеніе это придумано было съ цѣлью уничтожить въ Русскихъ земляхъ Православную вѣру; для этого въ Польшу пріѣхалъ папскій прелатъ, родомъ Полякъ Михаилъ Кунскій и началъ вводить Унію въ Малороссію. Поляки полагали, что преобразованіе легко совершится и мало-помалу начали вводить въ церкви Православныя, обряды противные Апостольскимъ постановленіямъ. Рыцари наши выше всего поставлявшіе для себя соблюденіе Православной вѣры, не могли хладнокровно смотрѣть на нововведенія и сначала начались просьбы, потомъ ссоры съ Польскимъ духовенствомъ, а потомъ возстаніе. Православное духовенство благословило рыцарей, поборниковъ Православія на брань за вѣру, рыцари сложили предъ алтарями свое оружіе и требовали его освященія. Духовенство окропило сабли и кинжалы святою водою благословило казаковъ на святую войну и страшная месть за вѣру, какъ электрическая искра, вмигъ потрясла сердца всѣхъ рыцарей; съ освященнымъ оружіемъ, они возстали противу притѣснителей и началась страшная брань, неслыханныя кровопролитія, продолжавшіяся до шестидесяти лѣтъ.

Это былъ періодъ славныхъ подвиговъ Малороссіянъ и Запорожцевъ. Лѣтописи указываютъ намъ на казацкихъ поборниковъ православія и въ числѣ многихъ мы видимъ имена: Наливайка, Нечая, Сагайдачнаго, Павлюка, Остряницу и Богдана Хмѣльницкаго конечнаго сокрушителя Уніи, это были истинные рыцари и исторія сохранитъ объ нихъ память навсегда.

Во время Уніи Поляки отдали Православныя церкви на откупъ жидамъ. Жиды продавали просфоры и насочные хлѣбы и взымали плату за богослуженіе и совершеніе обрядовъ христіанскихъ. Рыцари остервенились противу жидовъ, и этимъ откупщикамъ святыхъ церквей не было пощады: казаки берутъ у Поляковъ городъ и тотчасъ разставляютъ стражу вокругъ его, входятъ въ городъ и прежде всего истребляютъ жидовъ, не взирая на полъ и возрастъ. Жидовъ они рѣзали на крестъ, что называлось *карбовать*; въ отмщеніе за то, что откупщики писали кресты мѣломъ на освященныхъ хлѣбахъ. Въ Тарасовкую ночь (1628 году) истреблено жидовъ нѣсколько тысячъ и это совершилось въ короткое время. Казакъ говорилъ: *Се жидъ, якъ его оставить живого, грѣхъ падетъ на душу если не убью.* Но всѣ средства рыцарей нашихъ были недѣйствительны. Поляки побѣждали ихъ и Унія быстро разливалась по Малороссіи, уничтожая Православіе. Малороссія была уже на краю гибели, но провидѣніе бодрствовало надъ нею, оно послало ей новаго защитника — то былъ Богданъ.

Возсталъ Хмѣльницкій, разбилъ Поляковъ, отторгнулъ отъ нихъ Малороссію (Генваря 8, 1654 года), присоединилъ ее къ Россіи и шестидесяти-лѣтняя война прекратилась. Хотя и потомъ, были сраженія, но не текла кровь такими ручьями, какими текла она во время войнъ за вѣру. За тѣмъ годъ отъ году на За-

порожьѣ, въ Гетманщинѣ и на Дону становилось покойнѣе, правда, Малороссіяне часто съ оружіемъ въ рукахъ наѣзжали въ сосѣднія староства Польскія, но это были уже не походы, а скорѣе романическія прогулки, которыя довольно часто имъ удавались. Посѣщало съ тою же цѣлью границы Малороссійскія и Польское молодое дворянство и также не разъ случались жалобы на него за похищенія чернобровыхъ козачекъ. Въ свою очередь рыцари Запорожскіе и Донцы не переставали нежданно посѣщать своихъ сосѣдей Турокъ и Татаръ, но все уже было не то, что въ прежніе годы

На знаменахъ казачьихъ не блестѣли уже одноглавые серебряные орлы, а красовался гербъ Царя Русскаго: черный двухглавый орелъ. Русское Правительство начало входить въ дѣла казаковъ и установляло во всемъ благодѣтельный порядокъ.

Измѣна Мазепы положила конечный предѣлъ своевольствамъ рыцарскимъ. Петръ Великій обратилъ вниманіе на всѣхъ казаковъ и началъ ихъ преобразовывать; намѣреніе его довершено Екатериною II, въ царствованіе ея уничтожено Гетманство, Запорожскій Кошъ (1775), а съ Кошемъ исчезло и самое войско Запорожское Низовое; тогда же Донцы получили новую организацію.

Вотъ мимолетный взглядъ на историческую картину казачества. Умолкъ шумный и кровавый праздникъ рыцарей нашихъ, но славные дѣла ихъ остались въ памяти народа, въ пѣсняхъ сложенныхъ бандуристами и записаны на листахъ лѣтописей и исторіи. Это единственные памятники, передающіе намъ славныя дѣла казаковъ. Вы не найдете ни пирамиды, ни мавзолея поставленныхъ надъ прахомъ браваго *лыцаря* во свидѣтельство правнукамъ его славы; но среди степи, на безвѣстныхъ могилахъ, на которыхъ прежде стояли каменные истуканы, оставшіеся отъ предшественниковъ казачьихъ, кой гдѣ еще увидите деревянный крестъ съ бѣлымъ флагомъ, и на иномъ изъ нихъ прочтете смиренную надпись, обозначающую имя почившаго и годъ смерти. Бѣлый флагъ на крестѣ да послужитъ вамъ примѣтою, что въ могилѣ лежитъ поборникъ православія, *русскій рыцарь,* или доблестный его потомокъ.

КАЗАКИ.

Исторія пространно разскажетъ вамъ про военныя дѣла казаковъ, исчисливъ всѣ угнѣтенія какія претерпѣвали рыцари отъ Польши, за нарушеніе вѣры православной, и наконецъ представитъ конечную судьбу всѣхъ рыцарскихъ обществъ, по этому мы отстраняемъ отъ себя историческій разсказъ о казакахъ, ихъ судьбѣ, но представимъ вниманію читателя устройство, военные и гражданскіе нравы, обычаи, обряды, семейную и общественную жизнь Малороссійскихъ, Запорожскихъ и Донскихъ казаковъ.

Всѣ вообще казаки именовали себя *славными Лыцарями;* въ граммотахъ отъ Польскихъ Королей, Царей нашихъ и другихъ державъ именовались они *Храбрымъ Рыцарствомъ, вѣрнымъ и Христолюбивымъ войскомъ.* Въ Гетманщинѣ казаки составляли совершенно особенное сословіе; права этого сословія были одинаковыя съ шляхетствомъ. Казаки выбирали Гетмановъ, Полковниковъ и Сотниковъ; судились по своимъ правамъ и законамъ отъ своихъ судей, а не отъ Польскихъ и Царскихъ воеводъ. Два казака судили третьяго. Они владѣли землею переходившею по наслѣдству, и имѣли право выкуривать горячее, вино продавать пиво, медъ и производить всякую торговлю. Штрафованный по суду казакъ исключался изъ этого сословія, и не могъ быть принятъ на службу, а потому и не имѣлъ права голоса на выборахъ.

Казаки обязаны были имѣть собственную амуницію. Конный: лошадь добрую, списъ, (копье), самопалъ или мушкетъ, пистоли и саблю. Пѣшіе употребляли кинжалы; оружіе получалось изъ Польши, Турціи и Швеціи. Служившіе казаки вписывались въ списокъ *регистръ или компуты,* и назывались *выборными* или *регистровыми.* Бѣдные были снаряжаемы отъ своихъ товарищей и принимали наименованіе *подпомощниковъ.* Выборные считались поголовно, подпомощники хатами (избами), и какъ первыхъ такъ и послѣднихъ число въ сотняхъ, изъ коихъ составлялись полки, было неравное, иногда первыхъ 100, 200, а послѣднихъ до тысячи и болѣе. Во время войны казакъ получалъ жалованья по червонцу въ годъ, по кафтану тузинковому и по кожуху, а за границею отпускался фуражъ и все продовольствіе. *Лыцари* служили положенное время: пять и семь лѣтъ, потомъ имѣли право оставлять службу, что весьма рѣдко случалось и всегда продолжали ее изъ охоты и тогда назывались *товариществомъ.* Товарищи предъ прочими имѣли преимущество въ голосѣ и судъ ихъ всѣми уважался, Това-

рищество занимавшее какую либо должность и потомъ оставившее ее именовалось *старшинами*.

Одежда казаковъ въ первое время была самая простая, Гетманцы нелюбили наряжаться когда выступали на войну: шапка довольно низкая изъ овечьяго мѣха съ суконнымъ верхомъ, *свита* или кобенякъ (верхняя одежда) грубаго сѣраго сукна, кафтанъ синяго сукна, поясъ шерстяный красный, за поясомъ ножъ и маленькая трубка, шальвары портяныя и суконныя, *юхтовы чоботы*(сапоги изъ юфти); лѣтомъ, во время жаровъ, все это сбрасывалось въ обозъ, казакъ оставался на конѣ въ рубахѣ и шальварахъ. Одежда праздничная была не много чемъ щеголеватѣе походной. Малороссіяне подбривали голову не много выше ушей и подстригали волосы въ кружекъ, усы носили огромные, не рѣдко заходившіе за уши.

Днѣпровскіе рыцари, низовые казаки, были безбрачны и назывались *молодцами* или *молойцами* (цѣломудренными), вѣры православной. Со времени Баторія также утверждены въ шляхетскомъ достоинствѣ, права ихъ были почти одинаковыя съ казаками Гетманскими, кромѣ того, что они подчинялись всѣмъ условіямъ общества своего, они избирали изъ среди себя Атамана Кошеваго, и Куренныхъ, Судью Войсковаго и прочихъ

Войсковыхъ Старшинъ. Собственности своей въ куреняхъ не имѣли, но ежегодно по жребію (лясамъ) получали въ паланкахъ степи, и рѣчки для скотоводства, земледѣлія, звѣриной и рыбной ловли. Всѣ вообще казаки назывались «товариществомъ.» Въ самой Сѣчи не могли жить казаки не служившіе и женатые.

Запорожцы носили на войнѣ и на службѣ одинаковую одежду. *Каптанъ* (козья куртка), *черкеска,* съ вылетами, (разрѣзные рукава), *шальвары саетовыя* (суконныя) яркихъ цвѣтовъ шириною до четырехъ аршинъ, поясъ шалевый—шелковый, или шерстяной, сапоги сапьянци (сафьяные) изъ русскаго или крымскаго краснаго сафьяна, и шапка *кабардинка,* вокругъ и на крестъ обложенная галуномъ; въ праздникъ: жупанъ покроя польскаго и шапка высокая изъ бараньихъ черныхъ или сѣрыхъ смушекъ съ краснымъ шелковымъ или шерстянымъ мѣшкомъ обложеннымъ галуномъ. Даже въ походахъ носили

подобную одежду. Но праздничная ихъ одежда была смѣсь польской, турецкой и черкеской. Вооруженіе Запорожцевъ и Донскихъ казаковъ состояло изъ копья (ратища), шабли (сабли), пистолей двухъ паръ, изъ коихъ пара за поясомъ, пара въ кубурахъ сѣдла. Черезъ плечо *чересъ* съ патронами и пулями. Ружей и пушекъ конные казаки не употребляли, а брали ихъ съ собою въ морскіе походы. Для отличія отъ Донцовъ Запорожцы брили всю голову, оставляя на макушкѣ одинъ клокъ волосъ *(чубъ)* хохолъ по-Русски, по этому то всѣ Украинцы и назывались отъ русскихъ хохлами. *Чубъ* заплетался какъ коса и завертывался за лѣвое ухо, Запорожцы называли его *оселедцемъ).*

Усы также огромные, служили, какъ и оселедецъ знакомъ рыцарскаго достоинства. Эти страшные усы, которые дѣйствительно могли устрашать врага, изображались и на войсковыхъ печатяхъ. Прочитайте въ византійскихъ лѣтописяхъ описаніе наружности В. К. Святослава Игоревича и вы увидите, какъ говоритъ историкъ Запорожья, ликъ прямаго запорожца: *Левъ* Діаконъ Калойскій пишетъ о Святославѣ: «онъ имѣлъ густыя брови, глаза голубые, плоскій носъ, бритую или стриженую бороду, густые висящіе по губѣ длинные усы, голова его была голая, только всторону развивался клокъ волосъ означающій благородное происхожденіе».

Донскіе Казаки во время перваго появленія своего въ исторіи вели по примѣру сосѣдовъ своихъ жизнь безбрачную; но впрочемъ это не было условіемъ ихъ братства, какъ у Запорожцевъ. Потомъ они жили съ плѣнницами своими, и многіе вступали въ бракъ по уставу церкви, но часто бросали женъ, что было дозволено. Вѣры всѣ были православной, а приставашихъ къ нимъ иноплеменниковъ подобно, какъ дѣлали и Запорожцы крестили въ своихъ церквахъ.

«Казаки,» говоритъ одна неизданная лѣтопись: «егда воеваша турскую и татарскую земли обогатишася зѣло, и исполнены суть довольствомъ всякаго богатства. Оружія имутъ: самопалы, шабли, обухи и списы, и досыхъ тако искустны яко найлутшій польскій гусаринъ и нѣмецкій рейтаринъ примѣренъ къ нимъ быть не можетъ. Сколько конныхъ столько и пѣшихъ и сколько въ Малой Россіи людей, столько и казаковъ. Не треба силою собраты, яки по иныхъ чужоземныхъ странахъ творятъ, не треба великаго найму обѣщевати. Рѣчетъ старшій слово или рейментъ держащій на охотника и абія сколько треба воинства, ако трава соберется; и добре рѣченно турскому царю, на вопросъ его о количестви казацкаго войска. *У насъ (рьче) що лоза то казакъ, а где байракъ то по сто и по двѣсти.* И всѣ тѣ на войнѣ зѣло храбрые. Тако бо о нихъ пишется:

Россы богатство веліе мають,
Хитрость и храбрость довольно знають.

О которыхъ и Султанъ Турецкій изрекъ: «когда окрестные панства на мя возстають, я на оба уха сплю, а о казакахъ однимъ ухомъ слухаю. Въ мирѣ казаки никогда не живуть, но егда въ землѣ ихъ миръ оглашенъ, то самовольно идуть на подмогу другимъ царствамъ и малыя ради корысти великую помощь чинять».

И въ самомъ дѣлѣ жизнь всѣхъ вообще казаковъ въ первомъ періодѣ ихъ существованія, да и въ послѣдующихъ представляетъ частыя картины своевольныхъ набѣговъ и страшныхъ разореній пограничныхъ земель. Въ Гетманщинѣ *Охочекомонные*, на Запорожьѣ и въ степяхъ *Гайдамаки*, на Дону *Охотники* собирались большими партіями и подъ предводительствомъ какого нибудь *ватажка, характерника или удалаго атамана*, отправлялись чрезъ степи лѣса, рѣки и горы и нежданно, какъ ястребы на гнѣздо голубиное, нападали на Польшу, Турцію и Крымъ. «Ѣздючи въ пустопорожнихъ степяхъ, гдѣ не имѣлось ни единой стежки (тропинки), ни слѣду какъ на морѣ, однако помянутыя ватаги, добре знаючи проходы, яко по извѣстнымъ дорогамъ, зъ великимъ опасеніемъ, дабы не было гдѣ отъ Татаръ изслѣдованія, ѣздили, не имѣя же себѣ чрезъ одинъ и другой мѣсяцъ огня, единождь въ сутки весьма скудной пищи, толокна (пшена) и сухарей толченыхъ кушали и конямъ ржать не допускали, будто дикіе звѣри, по тернамъ и камышамъ крылись и съ великимъ обереженіемъ пути свои розно разъѣзжая тернами и паки сходились; познавали же на тѣхъ степяхъ дикихъ путь свой, въ день по солнцу и кряжахъ высокихъ земныхъ и по могиламъ, ночью же по звѣздамъ и вѣтрамъ и рѣчкамъ и тако татаръ высмотрѣвши, нечаянно нападали и съ малымъ числомъ людей великія купы разбивали.»

Боялись сосѣди наѣздовъ казачьихъ, боялись, ибо не могли ни какими средствами предупредить ихъ нападенія и избавиться отъ разоренія; среди степи «казакъ шелъ въ травѣ съ травою ровенъ,» воины и кони въ походѣ умѣли всѣмъ пользоваться: высокая трава, кустъ, дерево, тростникъ скрывали степныхъ пиратовъ и преслѣдователи не могли ихъ открыть.

Случалось ли на пути переправляться чрезъ широкую рѣку и казаки связывали снопы изъ тростника въ видѣ плота (что называлось *салою)*, плотъ этотъ привязывали веревкою къ хвосту или шеѣ лошади, на него клали ружьё, пику, и одежду, а сами держась за коня пускались вплавь.

Путеводители или вожаки ѣхали всегда впереди, они умѣли отличать на песку, при берегахъ и на травѣ въ степи слѣды не-

пріятельской конницы, легко узнавали ее число, куда прошла и кто именно, и если ожидали встрѣчи съ врагами, то на пути ихъ, среди степи покрытой травою разбрашивали нѣсколько десятковъ тысячъ маленькихъ остроконечныхъ желѣзныхъ якорьковъ.

Желѣзца эти вонзались въ копыта лошадей, которыя въ такомъ случаѣ не могли слѣдовать далѣе и непріятельская конница часто болѣе нежели на половину превращалась въ плохую пѣхоту и тогда на мѣстѣ погибала отъ казацкихъ сабель.

Задумали-ль казаки погулять на морѣ и партіи охотниковъ и удалыхъ молодцовъ Запорожскихъ собиралися на берегахъ Днѣпра и Дона. Прежде всего изъ среди себя выбирали они, вольными голосами, походныхъ атамановъ, послѣ выборовъ начиналось шумное празднество, въ Запорожьѣ на берегу Днѣпра, а Донскіе казаки любили пировать на кладбищахъ, собираясь въ «голубцахъ», бесѣдкахъ поставленыхъ надъ могилами; здѣсь

они разсказывали про отважные подвиги почившихъ и примѣромъ ихъ сами воодушевлялись.

На другой день принимались строить флотъ

или починять старый. На Дону люди богатые, Старшины станичные и зажиточные казаки строили лодки на свой счетъ, снабжали отплывавшихъ всѣмъ нужнымъ, съ условіемъ, по возвращеніи изъ похода, получить часть добычи. Запорожскіе *човны, чайки* или *моноскили*, Донскія *стружки* т.е. лодки, были шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ, дно ихъ выдѣлывалось изъ «трубъ» т. е. выдолбленныхъ ивовыхъ или липовыхъ деревьевъ, которыя распиливались на двѣ равныя части и къ основанію или изъ средины прикрѣплялись ребра; а съ концевъ выгнутыя кокоры; все это обшивалось досками, до пяти аршинъ вверхъ. Длина челна постоянно увеличивалась къ верьху; по сторонамъ каждой лодки привязывали снопы тростника, обхватывавшіе ихъ отъ носа до кормы. Каждая лодка устроивалась съ двумя рулями, чтобы не терять времени для поворота столь длинныхъ судовъ. На каждомъ челнѣ было отъ двадцати до тридцати гребцовъ. Въ случаѣ нужды ставилась мачта съ парусомъ. Суда эти устроивались безъ палубъ и походили на неаполитанскія скампавіи или испанскія баркелунге. Пуки тростника служили челнамъ защитою отъ пуль, а при волненіи давали имъ большую устойчивость и въ случаѣ, когда челнокъ наполнялся водою то онъ не тонулъ. Въ челнъ помѣщались прѣсная вода, толченые сухари въ боченкахъ, сухая рыба, сушеное баранье мясо, соленая рыба и толокно, составляли пищу казаковъ въ походѣ. Водки брать не дозволялось, трезвость считалась необходимостію при нападеніи на враговъ. Напившійся казакъ, погибалъ въ волнахъ по суду атамана, въ рукахъ котораго была жизнь и смерть походнаго товарищества.

Одежда *лыцарей*, во время морскихъ поисковъ была самая ветхая, шальвары и рубаха обмоченная въ деготь, въ предосторожность отъ нечистоты и болѣзней, послѣднихъ впрочемъ казаки никогда не знали. Если случилось у казака полированное ружье, или блестящая сабля, то это оружіе немедленно смачивалъ казакъ разсоломъ, чтобы покрылось ржавчиной, ибо «на ясномъ желѣзѣ» говорили казаки, «играетъ вражье око». Въ челнъ садилось отъ 60 до 100 казаковъ и помѣщалось 4 и 6 фальконетовъ. Восемьдесятъ и сто лодокъ, построенныхъ въ двѣ недѣли, отплывали къ берегамъ Анатоліи, Булгаріи, Румеліи и къ стѣнамъ Константинополя; походы подъ Азовъ и Карасовъ считались домашними походами.

Поутру передъ днемъ отплытія, казаки собирались въ церковь, на Дону въ часовнѣ, ибо тамъ до половины XVII столѣтія церквей не было. Отслуживши молебенъ Богородицѣ, Угоднику Николаю, котораго казаки считали покровителемъ мореходцевъ, и присягнувши, что не скроютъ добычи, они выходили на площадь пировали во весь день, по утру, въ день отплытія выпивши прощальную чару меда, и завязавши каждый въ рубаху немного родной земли, для того, чтобы, если достанется и на чужбинѣ умереть то съ родной землей; потомъ садились въ лодки и при грустныхъ пѣсняхъ отплывали въ море, гдѣ какъ и среди степи, путь узнавали по солнцу и звѣздамъ.

Челны плыли такъ тѣсно, что едва не задѣвали другъ друга. Флагъ атаманскій развѣвался всегда впереди. Турки и Татары старались предупреждать нападенія рыцарей, но хитрые и опытные корсары, всегда обманывали стражу турецкую и въ самое короткое время, по выходѣ изъ родины, причаливали къ берегамъ Анатоліи и оставивъ на каждой лодкѣ по два караульныхъ, сами вооруженные ружьями, дѣлали вылазку и нападая неожиданно, легко и почти безъ сопротивленія брали города, грабили и жгли все, что попадало въ ихъ руки и нагрузивши флотъ свой добычею отплывали далѣе или возвращались на родину.

Если на пути казаки открывали турецкій корабль, то немедленно снимали всѣ мачты на флотѣ своемъ, замѣчали направленіе вѣтра, становились противъ солнца и за часъ до захожденія, на всѣхъ веслахъ подплывали къ кораблю, на милю, чтобы не упустить его во время ночи изъ виду. Туркамъ не возможно было замѣтить казацкіе челны, возвышавшіеся надъ моремъ не болѣе двухъ аршинъ.

Въ полночь, по данному сигналу, наши пираты налетали на корабль, бросались въ абордажъ и сцѣпившись съ судномъ, въ мгновеніе ока занимали его; сопротивленіе врага ни къ чему не служило, просьба о пощадѣ не принималась и казаки, забравъ золото, серебро и прочіе товары, нужные имъ, пробивали диры въ кораблѣ и опускали его со всѣмъ экипажемъ ко дну морскому. На возвратномъ пути казаковъ, Турки усиливали стражу и навѣрное полагали разбить и потопить всѣ ихъ суда. Казаки не обращали на это вниманія и если не въ силахъ были преодолѣть враговъ, то, Запорожцы, перетаскивали челны свои чрезъ долину, лежащую въ четырехъ миляхъ ниже Очакова и мѣстами покрытую водою на

волъ аршина и болѣе. Чрезъ три дни флотъ являлся на Днѣпрѣ и казаки спокойно продолжали путь съ пѣснями, въ которыхъ осмѣивали бдительность турецкой стражи.

Если же случалось казакамъ узнавать, что впереди ожидаетъ ихъ многочисленный непріятель и они не могли укрыться отъ него, то немедленно причаливали къ ближайшему берегу, входили въ устья рѣкъ и въ камышахъ и кустахъ затопляли суда свои, а сами разсыпались; но чуть только опасность исчезала, они вновь собирались къ своимъ затопленнымъ челнамъ, выливали изъ нихъ воду и опять пускались въ путь. Нерѣдко впрочемъ претерпѣвали и они пораженія отъ Турокъ, но эти пораженія случались гораздо рѣже въ сравненіи съ счастливыми ихъ походами.

Такіе подвиги «лыцарей» нашихъ могли бы почесться не только преувеличенными, но даже неправдоподобными, если бы сохранившіеся факты не удостовѣряли насъ въ этомъ. Извѣстно, что въ 1696 году, Петръ Великій на Азовскомъ морѣ донскими лодками взялъ абордажемъ два линейныхъ турецкихъ корабля. Казаки безтрепетно плавали на челнахъ своихъ у самыхъ стѣнъ Азовской крѣпости, гдѣ всегда стояли турецкія галеры и другія военныя суда и переходили «бомъ,» укрѣпленный тремя желѣзными цѣпями, во всю ширину рѣки и съ обоихъ сторонъ защищаемый перекрестнымъ картечнымъ огнемъ.

Испанскіе реалы, Арабскіе цехины, оружіе, шали, парчи, шелковыя и бумажныя ткани, сукна и другіе драгоцѣнные товары были главною добычею казаковъ.

Лыцари выходили въ море послѣ Иванова дня и возвращались въ первыхъ числахъ августа, впрочемъ срокъ этотъ часто измѣнялся смотря по времени и обстоятельствамъ.

Торжественная была встрѣча возвратившимся изъ похода: войсковыя знамена развѣвались у пристани, и въ честь *лыцарей* палили изъ пушекъ. Духовенство встрѣчало ихъ съ крестами и корогвами (хоругвями), и провожали въ церьковь; казаки служили благодарственное молебствіе, послѣ чего на площади *дуванъ дуванили*—дѣлили добычу и пировали нѣсколько дней сряду. Удачу и неудачу въ походѣ приписывали волѣ Божіей.

Для доказательства, какъ важнымъ считалось у Запорожцевъ быть хорошимъ и отважнымъ пловцемъ, я приведу слова Бопдана: «у казаковъ есть обычай принимать въ свои курени только того, который переплывалъ всѣ Днѣпровскіе пороги, противъ теченія.» Пороги эти возвышались надъ водою отъ трехъ до четырехъ аршинъ и болѣе.

Соединяя съ умомъ хитрымъ и острымъ, безпечность, щедрость и безкорыстіе, всѣ вообще казаки страстно любили свободу; смерть предпочиталась рабству и потому *лыцари* мало дорожили жизнію; любимою ихъ поговоркою было: *сегодня панъ а завтра пропавъ.*

Непостоянство, легкомысліе, отважность а у Запорожцевъ и Донцовъ хвастовство, были главныя и отличительныя черты характера каждаго казака; злую годыну — черный день, казакъ переносилъ безропотно, *хвортуну долю несчастливу провести казаку, якъ хлебнуть гирькой горилочки чарку.* Защищеніе православія, было святою обязанностію рыцарей нашихъ:

Въ 1657 году, верховный визирь Кара-Мустафа выигралъ побѣду у Тясмина и началъ рубить казаковъ, онъ хотѣлъ пощадить двухъ родныхъ братьевъ, красивыхъ молодцовъ и чрезъ переводчика сказалъ, что жизнь будетъ дарована имъ, если отрекутся отъ христіанской вѣры, старшій началъ упрекать переводчика въ томъ, что онъ будучи самъ христіяниномъ уговаривалъ ихъ на богоотступничество. *На, мою голову рубай!* сказалъ старшій и протянулъ шею, ему отрубили голову! *Э, коли дило уже доходить до святой вѣры, то рубай, за одно и мою голову!* сказалъ младшій, палачъ отрубилъ голову и второму брату. Любовь къ родителямъ была также велика, къ женамъ вообще слаба: Сагайдачный промѣнялъ *жинку* (жену) на тютюнъ да люльку (на табакъ и трубку). Донцы любили часто перемѣнять женъ. Запорожцы не могли жениться, за несохраненіе цѣломудрія, особенно въ Сѣчи, Запорожецъ могъ лишиться жизни. Любили музыку и пѣніе и съ страстью слушали думы пѣтыя бандуристами, въ которыхъ воспѣвались рыцарскіе подвиги. Любили попировать, подъ часъ и *выпить чарочку, для веселости,* но пьяницами никогда не были, какъ показываютъ нѣкоторые историки не вникавшіе въ казацкій бытъ.

Малороссійскіе казаки искони считались по околицамъ изъ одного селенія въ жилищахъ своихъ, другіе по куренямъ, которые были не то что курени запорожскіе, эти мы опишемъ ниже, но простыя хаты, мазанки съ незатѣйливою утварью, за то всегда чистыя и опрятныя.

Курени составляли селенія; жившіе въ куреняхъ казаки назывались *шляхтою курен-*

ною; жившіе въ селеніяхъ или околицахъ, *околичною шляхтою*. Курени управлялись телями куреней назывались *Куренными Атаманами*. Нѣсколько куреней считалось *сот-*

товариществомъ т. е. казаками выслужившими положенный срокъ, а избранные прави-*нею*, нѣсколько сотень *повѣтомъ*. Атаманы были въ сотняхъ и повѣтахъ, отъ со-

тенныхъ зависѣли *куренные, а повѣтовые атаманы* управляли *сотенными*. За службой военной наблюдали Хорунжіе, которые были въ сотнѣ и повѣтѣ, они хранили знамена и значки войсковые. По повѣсткѣ хорунжихъ казаки изъ куреней собирались на сборное мѣсто, которое въ старые годы было или въ Бѣлыхъ Межахъ, гдѣ нынѣ нѣмецкія колоніи, въ Черниговской губерніи, между Борзною, Конотопомъ и Нѣжиномъ или въ Крыловѣ на Днѣпрѣ, а въ послѣдствіи въ Черкасахъ, Чигиринѣ, Переяславлѣ, Батуринѣ и въ другихъ мѣстахъ. По сборѣ всего войска казачьяго начинались *рады* или выборы, *вольными голосами,* старшинъ полковыхъ. Избранные чины оставались при должностяхъ до окончанія похода, потомъ обращались въ первобытное состояніе и именовались уже *Товарищами.*

Запорожскіе казаки раздѣлялись по куренямъ. Курени были въ самой *Сѣчи*, числомъ 38. Сѣчевые курени дѣлались изъ рубленнаго лѣса, которымъ *Великій Лугъ*, т. е. низменные берега рѣкъ, имъ изобиловалъ. Въ каждомъ куренѣ свободно помѣщалось до 600 казаковъ, строились безъ всякихъ перегородковъ, какъ пространные манежи; вокругъ стѣнъ стояли дубовые столы, а у столовъ низкія скамьи. Почетное мѣсто подъ иконами было для куреннаго атамана. Передъ образами висѣли паникадила и лампады, по угламъ стояли печки (грубы) изразцовыя, а въ особомъ отдѣленіи кухня, гдѣ приготовлялась пища для цѣлаго куреня. Главное мѣсто сбора запорожскихъ рыцарей именовалось *Кошемъ*, находившимся въ *Сѣчи*—столицѣ войсковой, которая была ни что иное, какъ укрѣпленный городокъ, окруженный валомъ, и полисадомъ, на валу стояли пушки. На пространной площади находились курени, сходившіеся однимъ концомъ вмѣстѣ, какъ радіусы къ центру. За этимъ центромъ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ *Кошеваго Атамана,* (главнаго предводителя Запорожцевъ), называлось *Паланкою*, въ паланкѣ была соборная церковь, во имя Покрова Божіей Матери; домы старшинъ войсковыхъ и прочія строенія; на противуположной сторонѣ *Сѣчи* былъ устроенъ базаръ, гдѣ всякій курень имѣлъ свои лавки.

Донскіе казаки жили въ городахъ или станицахъ, которыхъ въ царствованіе Петра Великаго считалось 121, разсѣянныхъ между болотами и лѣсами, начиная отъ устья р. Аксая по правому берегу Дона до границъ Воронежской губерніи. Городки эти состояли изъ шалашей и землянокъ, наскоро построенныхъ, ихъ обносили плетнемъ, обвѣшивали терномъ съ присыпнымъ валомъ. Такая не прочная и неудобная постройка жилищъ казаковъ имѣла ту цѣль, что при разореніи врагами станицъ Донцы въ недѣлю выстраивали себѣ новыя. Весной Донцы собирались изъ городковъ въ *Раздоры* , а потомъ въ *Черкасъ*; близь города располагались таборомъ и охраняли свою столицу и отсюда по общему согласію подъ предводительствомъ старшинъ, отправлялись казаки для поисковъ въ Крымъ, къ Ногаямъ или подъ Азовъ.

Ожидая ежечасно нападенія враговъ, казаки по границамъ земель своихъ отъ Поляковъ, Татаръ и Ногаевъ, содержали строгіе караулы; они знали, что имѣли дѣло съ подобными себѣ удальцами, также хорошо владѣвшими оружіемъ, такими же наѣздниками, хищниками и хитрецами и по этому не дремали стоя на стражѣ противъ мусульманъ.

По лѣвой сторонѣ Днѣпра, начиная отъ сѣверо-восточной гетманской стороны, отъ устья р. Орели, до Конской рѣчки, на Крымской границѣ у самаго берега Днѣпра, построены были *радуты*, по словамъ запорожца, радуты были обширные дворы, обнесенные плетнемъ, а среди двора навѣсы для лошадей, передъ дворомъ возвышалась самая *радута*: пространное и довольно высокое строеніе, въ родѣ куреня сѣчеваго, въ немъ жили Запорожцы, содержавшіе караулы. Строеніе это покрыто было обыкновеннымъ тесомъ, а въ иныхъ мѣстахъ и камышемъ. Въ каждомъ радутѣ находилось караульныхъ казаковъ 50 человѣкъ, подъ командою Асаула; они смѣнялись ежегодно. Въ четверть версты отъ радута, на холмѣ или на какомъ нибудь другомъ высокомъ мѣстѣ находились *фигуры*, они строились изъ двадцати бочекъ смоленыхъ, въ основаніи ставили кругомъ шесть бочекъ, плотно одну подлѣ другой, такъ чтобы въ срединѣ круга было пустое мѣсто, кругъ этотъ связывали крѣпко смоляными канатами. Должно замѣтить, что всѣ бочки имѣли только нижнее дно. На шести бочкахъ ставили пять бочекъ, и связывали такъ точно, какъ и первыя шесть, третій рядъ состоялъ изъ трехъ, а четвертый изъ двухъ бочекъ, на самомъ верху ставили одну бочку, безъ верхняго и нижняго дна и прикрывали верхъ соломой, въ этой бочкѣ сдѣлана была перекладина и къ ней привязывалась длинная веревка, оба конца ея лежали на землѣ; одинъ

конецъ веревки висѣлъ на дворѣ, спущенъ по фигурѣ свободно, другой былъ проведенъ внутрь фигуры; къ сему послѣднему прикрѣплялась проволока съ большимъ пукомъ пакли вываренной въ селитрѣ. При каждой фигурѣ стояли на караулѣ по два, а ночью по три и болѣе часовыхъ; прочіе казаки дѣлали разъѣзды, раздѣляясь на отряды изъ пяти

или десяти человѣкъ состоявшіе. Разъѣзды производились между радутами и на степяхъ, гдѣ занимались полевыми работами, а иные, говоритъ запорожецъ, «проѣзжали до самой границы и высматривали непріятеля, съ коро́й стороны покажется... Бывало только наши отряды и бекеты, увидятъ гдѣ нибудь «орду», приближавшуюся къ предѣламъ Запорожскимъ или Гетманскимъ, тотчасъ казаки скачутъ къ ближнимъ радутамъ и дѣлапасу, собирались въ одно мѣсто, сражались съ непріятелемъ, побѣждали и выгоняли изъ своихъ предѣловъ.»

Надобно замѣтить, что «Бекетовые казаки» т. е. пикетные, выѣзжали на курганы наблюдать, не покажутся ли гдѣ непріятельскія Ногайскія шайки, всегда не болѣе какъ одинъ всадникъ, для того, дабы народъ Запорожскій и Гетманскій, работавшій въ степяхъ, могъ отличить казаковъ отъ непріятелей,

ютъ тревогу, что непріятели близко; тогда уже Асаулъ скачетъ съ казаками къ фигурѣ и зажигаетъ ее посредствомъ веревки. Когда фигура загорится, то и прочимъ радутамъ даютъ чрезъ это знать, И такъ въ одно время и въ одинъ почти день всѣ фигуры по радутамъ загорятся и всѣ жители окрестныхъ мѣстъ, въ степяхъ, лѣсахъ и по плавнямъ, занимающіеся разными работами, могли уходить со скотомъ своимъ въ слободы и спасать жизнь свою, а потомъ уже и всѣ полки Запорожскіе, стоявшіе по паланкамъ для закоторые по обыкновенію выѣзжали на высокія могилы по шести и десяти человѣкъ вмѣстѣ и осматривали, гдѣ находились люди и стада, тогда нападали на работавшихъ, отбивали скотъ, убивали людей, а женщинъ и небольшое число казаковъ уводили въ плѣнъ.

На Дону во время общей тревоги, казаки собирались въ одинъ болѣе укрѣпленный городокъ и если могли, защищались въ немъ отъ враговъ; гдѣ бы ни появлялся врагъ вездѣ находилъ отъ казаковъ храброе сопротивленіе; посыльные скакали во всѣ стороны и

разносили вѣсть объ опасности, тогда станичны Асаулы, схвативъ знамена, неслись съ ними по улицамъ, нерѣдко сзывая Атамановъ и храбрыхъ казаковъ на пораженіе враговъ. Вѣстовая пушка и колоколъ подавали знакъ къ тревогѣ. Семейства со всѣми пожитками немедленно убирались изъ станицы перегоняли скотъ и табуны на острова или скрывались въ лѣсахъ и болотахъ; но чуть миновалась опасность, порядокъ, спокойствіе и веселость по прежнему возвращались въ станицы.

Нельзя не замѣтить ошибочнаго мнѣнія многихъ писателей, утверждающихъ, что казацкія войска не имѣли должнаго устройства, въ полкахъ и на войнѣ не наблюдали никакого порядка. Казаки знали правильно военное дѣло, иначе они не могли бы противустать столь сильнымъ врагамъ каковы были Поляки, войска которыхъ всегда отличались превосходнымъ устройствомъ.

Справедливо, что казаки любили наѣзды и при опасности разсыпались въ разныя стороны, но не забудемъ, что наѣзды могли производить нѣсколько сотъ человѣкъ, а не тысячи. Полки выступаютъ въ походъ въ порядкѣ, всегда по три казака въ рядъ, начальники ѣхали по своимъ мѣстамъ, впереди играла музыка а за нею слѣдовала *полковая корогва*, знамена и значки сотенные по сотнямъ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, въ необходимыхъ случаяхъ строились въ колонну, что называлось *итти соганою*: вмѣсто каре строились въ *тріянгуль* (въ трехъ-угольникъ), по угламъ становили пушки, въ срединѣ помѣщались знамена и старшины, строиться во фронтъ называлось, становиться въ *лаву*, строй въ три шеренги *батова*, взводъ *кишей*, вылазка и перестрѣлка называлась *шермицеры*.

Становились таборомъ (лагерь), раскидывали на воткнутыя въ землю пики, если это не надолго, шатры, въ срединѣ коихъ находилась палатка главнаго предводителя, а вокругъ прочихъ старшинъ. Таборъ со всѣхъ сторонъ обставлялся возами, между которыми

помѣщались пушки. Это было степное укрѣпленіе лагеря; при входѣ въ палатку гетмана или атамана ставились бунчуки.

Устройство малороссійскихъ казачьихъ полковъ началось со времени принятія булавы Княземъ Евстафіемъ Рожинскимъ (1515), онъ раздѣлилъ окольничьихъ и куренныхъ казаковъ *на полки*; каждому полку далъ въ резиденцію городъ, назвавъ по его имени и самый полкъ. Тогдашніе полки состояли до двухъ тысячъ человѣкъ. Главными начальниками полковъ назначены *полковники*; полки раздѣлялись по сотнямъ, — *сотнями* командовали *Сотники*, подчиненные полковнику. Эти чины избирались товариществомъ и казаками и оставались уже въ чинахъ своихъ на всю жизнь.

Учрежденные Рожинскимъ двадцать полковъ, Стефанъ Баторій свелъ на десять, чрезъ это самое пространство земли, занимаемое полкомъ увеличилось и полки Баторія составляли уже не повѣты, какъ прежніе, а цѣлыя области.

Въ каждомъ полку, главный городъ, мѣстопребываніе полковника, былъ укрѣпленъ валомъ, рвомъ, полисадомъ, а внутри самаго города находился *замокъ*; зданіе сложенное изъ дубовыхъ бревенъ съ четырьмя грубо срубленными башнями по угламъ, и пятой со стороны главнаго подъѣзда, надъ воротами. Замки огораживались частоколомъ, за коимъ на валу стояли пушки; во время осады въ замкѣ хранились всѣ богатства полковаго города. Съ этого времени при постройкѣ въ полковыхъ городахъ крѣпостей, устроивали подземные ходы—тайники, служившіе для выхода къ рѣкѣ, и для спасенія осажденныхъ въ случаѣ необходимости. Эти проходы и доселѣ еще существуютъ во многихъ бывшихъ полковыхъ городахъ. Болѣе подробное описаніе городовыхъ укрѣпленій, читатели найдутъ въ другомъ сочиненіи, главный предметъ котораго будетъ состоять въ описаніи всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстъ и памятниковъ сохранившихся въ Малороссіи, на Заднѣпріи и Дону.

Не смотря на страшныя притѣсненія казаковъ во время уніи, которая дѣйствовала въ Малороссіи, какъ инквизиція на западѣ, войска казачьи пребывали постоянно въ томъ самомъ устройствѣ, какое далъ имъ Баторій, число полковъ оставалось то же самое, хотя впрочемъ число воиновъ иногда значительно уменьшалось, Обнародованія сеймовъ, что всѣ права и избирательства казаковъ уничтожаются, что казакъ долженъ быть равнымъ каждому крестьянину, что регистровые казаки не будутъ имѣть предводителя, избраннаго вольными голосами, а подчинятся польскимъ коммиссарамъ, ни къ чему не служили, *лыцари* права свои защищали саблями и на подобныя постановленія даже вниманія не обращали: *Мы докажемъ ляхамъ нечестивымъ права свои саблями!* и доказали, когда явился среди нихъ Богданъ Хмѣльницкій.

Любопытно читать переписку польскихъ магнатовъ, бывшихъ въ походѣ противъ Хмѣльницкаго, къ сенаторамъ и другимъ важнымъ лицамъ. Воевода Брацлавскій Кисель въ письмѣ своемъ отъ 31 мая, 1648 года, къ архіепископу Гнѣзненскому, между прочемъ пишетъ: «Отечество наше, непобѣдимое и могущественнѣйшимъ Турецкимъ Султаномъ и многими другими монархами, уничтожено однимъ казакомъ.

Растопталъ славу и величіе Польши Хмѣльницкій, отторгнулъ отъ нее Малороссію и занялся устройствомъ ея; прежде всего онъ обратилъ вниманіе на военныя силы, въ которыхъ имѣлъ тогда нужду и для увеличенія числа войска къ десяти полкамъ, учрежденнымъ Баторіемъ, прибавилъ еще пять. Число регистровыхъ казаковъ было у него болѣе сорока тысячъ, а по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, положено было содержать регистровыхъ казаковъ шестьдесятъ тысячъ, *охочекомоннаго* т. е. добровольнаго казачества безъ числа.

Дабы прекратить навсегда незаконное присвоеніе казацкаго достоинства, которое какъ видѣли мы, равнялось шляхетскому, Гетманъ произвелъ во всей Малороссіи *нобилитацію*, эта нобилитація была нечто иное, какъ пересмотръ правъ каждаго искавшаго казачества. Нобилитаціи подверглись свободные жители, войсковые и городовые обыватели и всѣ прочіе претендовавшіе на казацкое достоинство. Разбирательство правъ происходило довольно строго. Всѣ нобилированные или произведенные въ казаки были вписаны въ компуты (регистры) и тогда же приведены къ присягѣ.

Раздѣленіе и устройство, учрежденное Богданомъ оставалось долгое время; Скоропадскій же по примѣру Баторія изъ пятнадцати малороссійскихъ полковъ, учредилъ десять и тогда полковыми городами назначены: Стародубъ, Лубны, Прилуки, Гадячь, Черниговъ, Миргородъ, Переяславль, Нѣжинъ, Кіевъ и Полтава,

Полки Малороссійскіе преобразованы бы-

ли по уничтоженіи Гетманства въ карабинерные.

Во время войнъ Богдана съ польскою республикою, казаки жившіе на границахъ смежныхъ съ Польшею, претерпѣвали отъ польской шляхты, чрезвычайныя утѣсненія и не смотря на то, что Гайдамаки досаждали пограничнымъ староствамъ, польская шляхта все не переставала наѣзжать на границы Гетманщины, грабила, жгла селенія находившіяся между рѣками Стыремъ, Случью, Сожемъ и Припетью, и дѣлала страшныя безчинства съ казаками. Казакамъ пришлось спасаться отъ Поляковъ и они, собравъ все свое достояніе, цѣлыми селеніями выѣзжали въ глубь Малороссіи и проѣхавъ Гетманщину, поселились на свободныхъ, ни кѣмъ не занятыхъ земляхъ, послѣ татарскихъ набѣговъ, и первыя поселенія свои назвали «слободами», слободы эти расположены были по берегамъ Донца, недалеко отъ Рыбинска, и по рѣкамъ Харьковѣ, Ворсклѣ и другимъ, но и здѣсь часто посѣщали ихъ татарскіе наѣздники; слобожане принуждены были укрѣпить свои слободы, сдѣлать около нихъ насыпи, иныя обнести частоколомъ, запастись пушками и такимъ образомъ слободы преобразовать въ городки, а изъ самихъ себя учредить постоянное войско.

Первыя укрѣпленныя слободы были: Харьковъ, Ахтырка и Сумы; къ нимъ причислены остальныя села, мѣстечки и деревни. По этимъ тремъ городамъ наименованы первые три слободскіе полка: Харьковской, Ахтырской и Сумской. Харьковскій Полковникъ Донецъ, построилъ городъ Изюмъ и тогда обширный Харьковскій полкъ былъ раздѣленъ на Изюмскій и Харьковскій.

Къ названію: *Слободскіе полки* прибавлено *Украинскіе*, какъ находившіеся на границѣ Малороссіи. Права слободскихъ казаковъ были вначалѣ одинаковы съ правами Гетманскихъ казаковъ; они находились подъ непосредственною властію Гетмана, но послѣ Самуйловича Слободско-Украинскіе полковники вздумали, каждый изъ нихъ сдѣлаться независимымъ правителемъ въ своемъ полку, и съ помощію князя Голицына успѣли отдѣлиться отъ Гетмана и получили каждый изъ нихъ особенныя права.

Исключая полковъ выборныхъ или регистровыхъ и охочекомонныхъ или компанейскихъ, которые часто состояли изъ вольно-наемныхъ воиновъ,—существовали въ Гетманщинѣ еще полки *Сердюцкіе*; въ лѣтописяхъ объ нихъ въ первый разъ упоминается въ 1674 году. Войска эти были учреждены Дорошенкомъ изъ разныхъ свободныхъ людей.

Мазепа учредилъ три полка Сердюковъ, они жили въ его столицѣ Батуринѣ и занимали въ дворцахъ Гетманскихъ караулы и во время выѣздовъ Гетмана и торжествъ сохраняли порядокъ въ народѣ. По словамъ Кониского, Сердюки были ангелы-хранители Мазепы, духами, исполнявшими самыя мановенія Гетманскія. Горе человѣку попадавшему въ ихъ руки; лучшіе чиновники содрогались увидѣвъ у себя въ домѣ кого либо изъ сихъ гвардейцевъ; чернью они играли какъ мячемъ.

Кромѣ Сердюковъ, въ дворцахъ Гетманскихъ, въ генеральной войсковой канцеляріи и во всѣхъ мѣстахъ гдѣ слѣдовало, содержала караулъ пѣхотная рота, называвшаяся *Жолдатской ротой*, рядовые были подчинены Хорунжему и Асауламъ. Одежда ихъ состояла изъ верхняго кафтана синяго сукна, съ краснымъ откиднымъ воротникомъ и такими же обшлагами, подкафтанья краснаго также суконнаго, шальваръ яркаго цвѣта по большой части свѣтло-зеленыхъ или оранжевыхъ и черной высокой мѣховой шапки съ краснымъ верхомъ. Когда жолдатъ стоялъ *на чатахъ*, т. е. въ караулѣ, то имѣлъ при себѣ келепъ,—бердышъ —аллебарда состоящая изъ топора и молота—иногда копье а иногда обнаженную саблю.

Въ 1763 году, послѣдній изъ Гетмановъ графъ Разумовскій установилъ, чтобы казаки во всѣхъ полкахъ носили одинаковую одежду. Не длинный верхній суконный жупанъ (кафтанъ) темносиній съ красными отворотами и такими же обшлагами, а по краямъ на поляхъ внизу у краснаго сукна узенькая опушка; полукафтанье бѣлое суконное и шальвары бѣлые также суконные; кушакъ (поясъ) красный стамедовый; шапка польская низкая, разноцвѣтная въ каждомъ полку, съ чернымъ овчиннымъ околышемъ.

ПРЕДВОДИТЕЛИ КАЗАКОВЪ.

(ПАНСТВО.)

Мы замѣтили выше, что въ стародавніе годы русское рыцарство, задумавъ выступать въ походъ, собиралося со всѣхъ околицъ и куреней въ одно мѣсто, гдѣ совѣтовались или радились (отъ этого произошло и слово рада, совѣтъ казаковъ), куда выступать

войску и избирали изъ среди себя старшинъ предводителей, этимъ избраннымъ они предоставляли надъ собою полную власть. Замѣтимъ, что «избирательная система» была главная и неизмѣнная основа устройства всѣхъ трехъ казачьихъ обществъ.

Всѣ вообще чины и званія низоваго войска были избирательныя и временныя. Въ Гетманщинѣ до Рожинскаго, старшины войсковые избирались на время походное а потомъ обращались въ первобытное состояніе. Рожинскій ввелъ въ обыкновеніе, чтобы однвъ разъ избранные оставались при урядахъ своихъ до самой смерти и это постановленіе не измѣнялось уже до самаго послѣдняго преобразованія Малороссіи. Въ войскѣ Запорожскомъ чины избирались на одинъ годъ и выборы происходили всегда въ 1-й день января. Донцы не опредѣляли времени службы своимъ войсковымъ старшинамъ, но и у нихъ также ежегодно собирался «войсковой кругъ» всѣ чины и народъ, та же рада, и выбирали старшинъ; какъ у Запорожцевъ, и у Донцовъ, любимые народомъ , старшины управляли нѣсколько лѣтъ сряду,а иногда и до смерти. Такихъ примѣровъ очень много на Запорожьѣ: Сѣрко, Гордѣенко, Малышевичь и Калнишевскій, который почти 10 лѣтъ сряду былъ Кошевымъ Атаманомъ. По смѣнѣ же старшинъ, обращались они въ прежнее состояніе, и въ свою очередь отправляли службу рядоваго казака.

ЯСНЕВЕЛЬМОЖНЫЙ ПАНЪ ГЕТМАНЪ.

Первый надъ всѣми казакъ въ Гетманщинѣ именовался Ясневельможнымъ Паномъ Гетманомъ, власть и право его были королевскія, не смотря на то что Гетманщина всегда находилась подъ властію въ началѣ Литвы, потомъ Польши и наконецъ Россіи. Власть

Атамана Кошеваго, перваго казака низоваго войска и *Войсковаго Атамана*, старшаго отъ всѣхъ казаковъ на Дону, была такъ же обширна, но первый изъ нихъ всегда почти признавалъ власть надъ собою Гетмана, а второй зависѣлъ отъ русскаго правительства.

До Рожинскаго, Гетманы были только предводителями казаковъ на войнѣ, но внутреннее управленіе краемъ были не въ ихъ власти. Рожинскій первый входитъ въ права свои и становится полнымъ Господаремъ земли Малороссійской, повелителемъ всѣхъ сословій и верховнымъ судьею народа, и съ этого времени Гетманъ имѣлъ власть казнить и даровать жизнь преступнику; утверждалъ выборы войсковыхъ чиновъ и по своей волѣ раздавалъ деревни и земли; чеканилъ монету, принималъ пословъ и велъ переписку съ державными особами не отдавая ни кому никакого отчета; объявлялъ войну и подписывалъ міръ. Столь великая власть Гетмана ограничивалась тѣмъ, что за преступленіе его судили казаки и каждый казакъ регистровый имѣлъ одинаковый голосъ съ старшиною; по суду лыцарства Гетманъ за преступленіе могъ лишиться булавы, быть заключенъ въ тюрьму или въ другое мѣсто и даже казненъ. Отъ Богдана Хмѣльницкаго Гетмана за преступленія судилъ Царь.

Часто во время войны поляковъ съ казаками, постановленія сеймовъ и сами Короли старались ограничить власть Гетмана, но новая побѣда казаковъ надъ ляхами заставляла и сеймъ и короля подтверждать всѣ стародавнія права рыцарства русскаго и еще даровать новыя и вновь при первомъ удобномъ же случаѣ уничтожать ихъ. Не взирая на все это Гетманы избранные вольными голосами рыцарства всегда пользовались всѣми своими правами. Во время войнъ за вѣру, когда казаки были на краю погибели и власть Гетмана умалилась, лучше сказать, совершенно уничтожилась ибо и настоящихъ Гетмановъ уже не существовало, являлись предводители носившіе наименованіе Гетмановъ, но эти предводители почти еженедѣльно смѣнялись ибо не были избираемы цѣлымъ рыцарствомъ, а только малымъ числомъ казаковъ. Въ такомъ положеніи было Гетманство до того времени пока не возсталъ противъ польской республики, колоссальный герой украины Богданъ Хмѣльницкій. Увѣнчанный полною побѣдою надъ врагами вѣры и отчизны онъ единогласно своими и Запорожскими казаками 15 октября 1647 года, былъ провозглашенъ Гетманомъ обоихъ сторонъ Днѣпра, и всѣ давнишнія права Гетмановъ вновь подтверждаются Польшею; но Богданъ не нуждался уже въ покровительствѣ республики и булаву свою преклонилъ къ стопамъ Православнаго Русскаго Царя, котораго, хотя казаки будучи присоединенные къ Польшѣ и не принадлежали, но всегда считали его за законнаго своего Государя и только о томъ и помышляли, чтобы подпасть подъ его высокую руку, и Царь принялъ ихъ и подтвердилъ всѣ древнія права русскаго рыцарства, и въ томъ числѣ подписалъ и шестую статью, въ коей сказано: что въ случаѣ смерти Гетмана, казаки вольными голосами, изъ среди себя избираютъ новаго Гетмана и его Царское Величество извѣщаютъ, чтобъ то его Царскому Величеству не въ кручину было, понеже тотъ давній обычай войсковой.

По смерти Богдана, власть Гетманская начала мало по малу ограничиваться; въ Гетманство Юрія, сына Богдана въ Малороссійскіе города: Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, Брацлавъ и Умань присланы были русскіе воеводы и власть ихъ надъ Малороссіянами была довольно велика; въ Гетманство Брюховецкаго она еще болѣе уменьшилась и, какъ сказано въ московскихъ статьяхъ Брюховецкаго — *чтобъ явно было всему свѣту, что Монархъ а не Гетманъ землею владѣетъ*, то всякіе налоги и подати наложенные на Малороссіянъ Гетманъ погодно въ казну государеву собираетъ.

Число воеводъ увеличено противъ прежняго; они появились уже кромѣ прежнихъ городовъ въ Каневѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Кременгучѣ, Гадячѣ, Полтавѣ, Миргородѣ, Лубнахъ, Прилукѣ, Стародубѣ, Глуховѣ, Батуринѣ, Острѣ и на Запорожьѣ. Въ прочіе не такъ значительные города отъ воеводъ были разосланы «приказщики, цѣловальники, присяжные и сборщики, которые взымали по торгамъ и ярмаркамъ, со всякой проданной и купленной вещи, отъ казака и мужика пошлину.»

Такъ права народныя и власть старшинъ и самаго Гетманства время отъ времени уменьшались и хотя Цари при избраніи новаго Гетмана и подтверждали статьи Хмѣльницкаго, но къ нимъ всегда прибавляли новыя. Уже въ статьяхъ Мазепы опредѣлительно было сказано: воеводамъ находившимся въ городахъ Гетманскихъ имѣть надзоръ надъ войскомъ и судить ратныхъ людей (казаковъ).

Давно уже, начиная и отъ Богдана, Гетманы не должны были писать ни къ Королю

Польскому, ни къ другимъ государямъ, ни къ Крымскому хану и отъ нихъ не могли принимать ни пословъ, ни получать писемъ а если и прійдутъ таковыя то не читая отсылать въ Москву, въ Малороссійскій приказъ.

Въ девятнадцатой статьѣ Мазепы сказано: «также Гетманъ обязывается, всѣми силами, соединять въ крѣпкое и неразрывное согласіе оба русскіе народа, всякими возможностями и въ особенности супружескими; чтобы Малоросію не называли землею Гетманскою, а единственно признавали землею, находящеюся въ Царской Самодержавной власти. И дѣйствительно послѣ измѣны Мазепы Гетманщина и Гетманъ для малороссіянъ были уже пустые звуки.

Въ 1722 году апрѣля 29 состоялось царское повелѣніе быть при Гетманѣ Бригадиру и шести штабъ-офицерамъ, это сдѣлано было, какъ сказано въ повелѣніи на основаніи договоровъ, постановленныхъ съ прежними Гетманами; не прошло послѣ этого постановленія и двухъ недѣль и Малороссія получаетъ новое присутственное мѣсто, въ которомъ сосредоточены дѣла воинскія и гражданскія и вся власть и Гетмана и Старшинъ перешла въ руки засѣдавшихъ въ этомъ присутствіи, названномъ *Малороссійскою коллегіею.*

Своевольства, частыя измѣны преводителей казацкихъ и безпрерывныя отъ этого войны, вынудили русское правительство, для блага народа, ограничить власть Гетмановъ и другихъ чиновъ и установлять новыя учрежденія болѣе благодѣтельныя нежели старыя, которыя при новомъ порядкѣ не согласовались съ духомъ времени и народа. *Отъ Богдана до Ивана,* сказалъ Скоропадскій, *не було Гетмана*, а были какіе-то деспоты, искавшіе собственнаго величія не щадившіе ни народа, ни отчизны.

Послѣдній Гетманъ Малороссійскій былъ графъ Кирилъ Разумовскій, носившій подобно и предшественникамъ своимъ отъ Богдана, одно только имя Гетмана; со смертію его въ 1803 году Января 10, уже навсегда исчезла и Гетманщина и Гетманъ. Прочтите же въ лѣтописи, что испытала Малороссія въ продолженіе 300 лѣтъ, управляемая Гетманами, изъ которыхъ нельзя назвать и троихъ, ненаводнившихъ эту прекрасную страну кровію христіянскою; на внутреннее управленіе и благосостояніе народа, Гетманы мало обращали вниманія и если устроивались полки и увеличивалось число казаковъ, то это дѣлалось для новыхъ кровопролитій, нерѣдко начинавшихся изъ пустыхъ расчетовъ самолюбія Гетманскаго, а не для защищенія правъ и вольностей народныхъ, какъ это всегда объявлялось въ универсалахъ издававшихся при начатіи войнъ. Измѣнялось и управленіе гражданское, всегда зависѣвшее отъ военнаго, но не Гетманы дѣлали эти измѣненія а благодѣтельные Государи и Цари Московскіе. Можно раздѣлить Гетмановъ на любившихъ войну и проведшихъ все Гетманство въ походахъ, и на самолюбцевъ, которые въ образѣ жизни старались подражать королямъ и обременяли для собственныхъ своихъ выгодъ и доходовъ народъ и цѣлый край. По этому могли ли заботиться какъ первые такъ и вторые Гетманы о благосостояніи своей отчизны... Конечно нѣтъ!

Сказавши о правахъ и судьбѣ предводителей народа Малороссійскаго, посмотримъ теперь на обрядъ избранія ихъ рыцарствомъ. До Ѳедора Богдана обрядъ избранія былъ такой: собиралось по повѣсткѣ куренныхъ атамановъ, среди обширнаго майдана (площади), лыцарство и соглашалось между собою кого избрать на Гетманскій урядъ. Войсковой Старшина отбиралъ голоса по полкамъ и имена названныхъ произносилъ во всеуслышаніе, а тогда казачество, изъ двухъ или трехъ названныхъ послѣ долгихъ споровъ, а иногда и дракъ, избирали одного и выбраннаго выводили на средину площади, ставили на возвышеніе, часто на скамью и старшина взявши со стола булаву и знамя подавалъ новоизбранному, который по обычаю отказывался отъ уряда, говоря, что недостоинъ такой чести, что не можетъ управлять рыцарствомъ. Старшина и народъ просилъ его принять булаву и за четвертымъ разомъ новоизбранный бралъ булаву и кланялся народу на четыре стороны. Въ радости казаки кричали, бросали вверхъ шапки и стрѣляли изъ ружей. Бопланъ говоритъ, что избранныхъ, отказавшихся отъ Гетманства убивали казаки, но Боплану не во всемъ должно вѣрить. По окончаніи выбора старшины вводили новоизбраннаго въ церковь, гдѣ служили молебенъ и по окончаніи службы Божіей, Гетмана окропляли святой водою и онъ прикладывался къ кресту и иконамъ. Потомъ вводили его во дворецъ и вслѣдъ за этимъ начиналось пиршество и въ домахъ и на площадяхъ, продолжавшееся нѣсколько дней сряду. Послѣ дарованія Баторіемъ предводителямъ рыцарства русскаго клейнотъ, избраніе въ Гетманы было торжественное.

«Въ день выбора Гетмана, на площади би-

ли въ барабанъ и литавры долгое время, рыцарство, товарищество и войсковая старшина собиралась на площадь, среди которой сдѣлано было возвышеніе, покрытое сукномъ, на возвышеніи ставился столикъ, покрывался краснымъ сукномъ, на немъ клали «булаву и войсковую печать», а *бунчукъ* держали передъ столикомъ *Генеральный Бунчужный*, а *Бунчуковый Товарищъ народну корогву*. Потомъ старшины приступали къ выбору Гетмана и единогласному подтвержденію всѣмъ рыцарствомъ; голоса отбирались по полкамъ, и тогда соглашались всѣми, новоизбраннаго ставили на возвышеніе. Прибывшіе отъ Короля послы вручали ему булаву и печать, старшины генеральные прикрывали его бунчукомъ и народною корогвою, а народъ кидалъ на него шапки, за симъ Гетмана вели войсковые старшины и полковники въ церковь, на пути поставленныя полковыя знамена осѣняли его. По избраніи стрѣляли въ крѣпости изъ пушекъ, а казаки на площади изъ мелкаго оружія. Новоизбранный слушалъ литургію и молебствіе и по окропленіи его святою водою вводили въ домъ Гетманскій, потомъ начиналось пиршество.

По присоединеніи Малороссіи къ Россіи, вмѣсто Польскихъ пословъ пріѣзжали Русскіе и отъ имени Царя вручали новоизбранному Гетману грамоту и регаліи.

Но избраніе Гетмановъ, начиная отъ Брюховецкаго измѣнилось, Русскіе воеводы вмѣшивались въ вольное избраніе и политикою своею возводили въ это достоинство кого сами желали, а избраніе послѣдняго Гетмана уже ни въ чемъ не было сходно съ древними обычаями.

«Февраля 16 дня 1750 г. Ханенко и Гендриховъ, возвратились изъ Москвы съ извѣстіемъ, что скоро пріѣдетъ въ Малороссію новый Гетманъ. Старшины, полковники, казаки и посполитство стеклось въ Глуховъ. Въ 22 день февраля, на разсвѣтѣ выстрѣлено было изъ трехъ штукъ (пушекъ). Народъ началъ собираться на Николаевскую площадь и въ тотъ же часъ выступили туда казацкіе полки; въ восьмомъ часу утра было выстрѣлено второй разъ и потому сигналу на площадь прибыли генеральные и войсковые старшины и чины гражданскіе, а знатное шляхетство поѣхало къ Гендрихову. На площади было сдѣлано возвышеніе о трехъ ступеняхъ, покрытое сукномъ и обведенное перилами, обложенными краснымъ сукномъ. Митрополитъ Тимоѳей Щербацкій, три Архіерея и архимандритъ Печерскій Іосифъ Оранскій, пріѣхали въ церковь Николаевскую для начатія служенія. Въ десять часовъ началась продолжительная пушечная пальба и чрезъ нѣсколько минутъ со двора Гендрихова выѣхало шестнадцать Компанейцевъ; за ними Гетманскіе войсковые музыканты; за музыкантами ѣхалъ секретарь Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Степанъ Писаревъ, въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми, онъ везъ на серебряномъ блюдѣ Царскую Грамоту; передъ нею играла музыка, а полки преклоняли знамена; вокругъ кареты шло двадцать гренадеровъ. Клейноты несли бунчуковые товарищи Гамалѣя бѣлое знамя съ двуглавымъ орломъ, пожалованное Гетману Петромъ II; за ними шелъ Генеральный хорунжій съ двѣнадцатью Бунчуковыми товарищами; Гетманскую булаву, на красной бархатной подушкѣ, обложенной золотымъ позументомъ и съ золотыми кистями по угламъ, несли Бунчуковые товарищи, за ними шли Генеральные Чины, Судья Якимъ Горленко и Писарь Андрей Безбородко; за ними шло двадцать четыре Бунчуковыхъ товарища, Петръ и Григорій Горленки несли войсковую печать на бархатной подушкѣ; за ними шли Писарь Генеральнаго суда Иванъ Пиковецъ и два Бунчуковыхъ товарища Иванъ Журавка и Илья Журманъ, съ Канцеляристами Генеральной Войсковой Канцеляріи и Генеральнаго Суда. Войсковой прапоръ несъ Бунчуковый товарищъ Павелъ Мокріевичъ, въ сопровожденіи всѣхъ войсковыхъ товарищей. За нимъ ѣхалъ въ богатой каретѣ, шестеркою графъ Иванъ Семеновичъ Гендриховъ, окруженный гренадерами и придворными лакеями, позади всѣхъ шло шестнадцать пѣшихъ компанейцевъ.

Полномочный приблизился къ возвышенію; грамоту и клейноты положили на два стола, покрытые красною камкою. Гамалѣя съ двумя товарищами держалъ знамя. Митрополитъ съ архіереями и прочимъ духовенствомъ вступилъ на возвышеніе; потомъ Гендриховъ и Генеральные старшины, народъ и казаки окружали возвышеніе, Гендриховъ объявилъ народу милость Государыни и право, которое она имъ предоставляетъ избрать Гетмана *вольными голосами*. Писаревъ спросилъ три раза: кого желаютъ имѣть Гетманомъ? имя Разумовскаго, раздалось отовсюду, Гендриховъ поздравилъ его. Сто одинъ пушечный выстрѣлъ прогремѣлъ, бѣглый огонь былъ пущенъ во всѣхъ полкахъ. Грамоту и клейноты отвесли въ церковь Николая, откуда послѣ литургіи и мно-

голѣтія, при безпрерывной пальбѣ изъ ружей и пушекъ, перенесли въ квартиру Гендрихова. Полки были распущены.»

Съ самаго появленія Гетманскаго достоинства въ Малороссіи, Гетманы владѣли ранговыми помѣстіями, кромѣ этого на булаву получали *буловинскія* земли, въ разныхъ полкахъ и состоявшіе по большой части, изъ нѣсколькихъ городовъ. Отъ Богдана Хмѣльницкаго, Гетманы получали отъ Царя тысячу червонныхъ жалованья и годъ отъ году доходы Гетманскіе болѣе и болѣе увеличивались, а Мазепа разными неправильными налогами и поборами увеличилъ доходъ свой свыше ста тысячъ рублей; многіе Гетманы жили такъ роскошно, какъ Короли Польскіе. Придворный штатъ ихъ былъ весьма великъ, а самые дворцы представляли вмѣстилище роскоши и богатства.

До Сагайдачнаго Гетманы Малороссійскіе и прочіе войсковые чины не именовались Гетманами обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожскими, Сагайдачный первый, какъ избранный единогласно Запорожскими и Малороссійскими казаками, началъ подписываться: *Гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска Запорожскаго.* Примѣру его послѣдовали Генеральные Старшины, Полковники и Сотники. Казаки Малороссійскіе всѣ уже безъ разбора назывались «Запорожцами», принимая названіе это за особенное достоинство.

Конечно, что выборъ Запорожцами и Гетманскими казаками одного предводителя послужилъ къ сближенію двухъ рыцарскихъ обществъ, до сего раздѣленныхъ управленіемъ; это обстоятельство клонилось ко благу рыцарей обѣихъ сторонъ Днѣпра во время войнъ за унію, а въ послѣдствіи къ погибели польской республики и къ конечному отторженію русскаго рыцарства отъ поляковъ.

Первый изъ Гетмановъ Брюховецкій въ 1665 году принялъ «русское боярство», съ этого времени часто въ исторіи встрѣчаемъ примѣры, что Малороссійское шляхетство утверждается Царемъ въ русскомъ дворянствѣ.

Подписи Гетмановъ въ посланіяхъ къ царямъ были слѣдующія:

Богданъ Хмельницкій, з войскомъ Его Царскаго Величества Запорожскимъ.

Гетманъ Юрій Хмельницкій рукою властною.

Прямый и вирный слуга и подданный его Царскаго Пресвѣтлаго Величесшва, Иванъ Виговскій.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества благодѣтеля моего милостиваго, вѣрный холопъ и нижайшій подножокъ, Пресвѣтлаго Престола бояринъ и Гетманъ вѣрнаго войска, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго Івашъ-ка Брюховецкій.

Лыцарь войска Его Пресвѣтлаго Царскаго Величества Запорожскаго, товарищъ статный Якимъ Самко.

Петъ-ро Дорошенко Гетманъ войска Запорожскаго.

Иванъ Самуйловичь Гетманъ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго, рукою властною.

Іванъ Скоропадскій Гетманъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, рукою властною.

Гетманъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Данило Апостолъ.

Гетманъ Ея Царскаго Пресвѣтлаго Величества Графъ Кирилъ Разумовскій.

Въ универсалахъ, и прочихъ бумагахъ Гетманы писали МЫ — НАСЪ.

Старинное торжественное одѣяніе Гетмановъ, до Богдана Хмѣльницкаго, состояло изъ польскаго кафтана, вышитаго на груди золотыми снурками, шапки собольей съ суконнымъ верхомъ, сшитой по казачьему образцу; кушакъ шелковый, сапоги сапьянци красные (сафьянные), штаны саетовы блакитны, (суконные синіе шальвары съ золотыми лампасами). Сабля и кинжалы за поясомъ составляли всегдашнее вооруженіе предводителей казаковъ. Зимою, польскаго покроя шубы лисьи и собольи,

На войнѣ Гетманы употребляли шлемы панцыри и латы и въ такомъ военномъ вооруженіи были весьма сходны съ польскими рыцарями, древнихъ временъ.

НАКАЗНЫЙ ГЕТМАНЪ.

Случалось на Украйнѣ, что Гетманъ не могъ самъ по какимъ либо причинамъ выступитъ въ походъ, тогда онъ назначалъ по себѣ добраго и вѣрнаго товарища своего давалъ ему титулъ *Наказнаго Гетмана*; или же самъ отправляясь въ походъ повѣрялъ управленіе краемъ, также Наказному Гетману; въ первомъ и во второмъ случаѣ Наказные дѣйствовали какъ настоящіе Гетманы и только въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ сносились съ Гетманами и спрашивали его мнѣнія.

Сагайдачный-Конашевичъ соскучился въ старости тяжелыми воинскими дѣлами, сдалъ начальство надъ войсками Наказному Гетману а самъ уже оставался покойнымъ правителемъ края, который во многихъ частяхъ привелъ въ лучшее состояніе. Богданъ Хмѣльницкій отдавъ Царю Украину, и народъ малороссійскій, не могъ не считать себя первымъ лицемъ и главою Малороссіянъ, и потому не желая встрѣтить какія-либо непріятности отъ русскихъ воеводъ, командовавшихъ войсками царскими и подчиняться имъ въ походахъ, Богданъ не выходилъ уже самъ на войну а посылалъ отъ себя Наказныхъ, которыхъ назначалъ изъ генеральныхъ старшинъ.

Мазепа уѣзжая въ Польшу Назначилъ по себѣ Наказнаго Гетмана Генеральнаго Судью Кочубея.

Наказные получали отъ Гетмана меньшіе клейноты, а какіе именно увидимъ ниже.

АТАМАНЫ.

На Запорожьѣ обрядъ избранія Кошеваго Атамана былъ нѣсколько проще нежели избраніе Гетмана.

Холостые казаки и рыцари войска Запорожскаго Низоваго по приглашенію Войсковаго Асаула, ходившаго по куренямъ съ войсковымъ перначемъ, собирались на раду, передъ литургіею, на главной площади на *майданѣ*, (полукружіе, буквально лукъ), и тамъ *по древнимъ обычаямъ* производили свои выборы, необходившіеся часто безъ жестокаго смятенія казаковъ и драки между куренями, кончавшимися смертію Куренныхъ Атамановъ и всей Войсковой Старшины. При избраніи старшинъ и самаго Атамана чины прежніе стояли поодаль отъ казаковъ и молчали, каждый казакъ имѣлъ голосъ.

До насъ дошелъ одинъ образецъ избирательнаго приговора, который сообщилъ намъ историкъ запорожскаго коша:

Войсковая благополучная рада 1760 года.

«По собраніи въ первый день генваря, старшинъ, стариковъ и Атамановъ Куренныхъ, при распущенномъ большомъ знамени и бунчукахъ, вышедъ предъ церковь, предъ ли-

тургіею, по обыкновенію новаго лѣта, безъ голосовъ общихъ, я (Кошевой Атаманъ Алексѣй Бѣлицкій) и по мнѣ Судія и Писарь войсковые благодарили (войско) и желали увольненія отъ должностей... Но старики и Атаманы допустили только поблагодарить Войсковаго Судью Григорія Лобуровскаго и уволили, а меня и Старшинъ Войсковыхъ: Писаря *Ивана Чугуевца* и Асаула *Пилипа Иванова* отказаться не допустя, просили паки при должностяхъ остаться, почему я и Писарь Войсковый, хотя и отговаривались и требовали перемѣны, ради представленныхъ собственныхъ нашихъ нуждъ и резоновъ; но видя самоважныя нынѣшнія отъ пограничностей и прочей смежности по кошу обстоятельства, по нашей вѣрно присяжной должности, за объявленіемъ намъ отъ общества сихъ нужныхъ причинъ, принуждены (опять) сколько силы станетъ, сіе правленіе (несть). Въ войсковые Судьи, Старшина Войсковый и Куренный Кальниболотскаго куреня Атаманъ, Өедоръ Сохатскій, заразъ предъ церковью Атаманами избранъ и войсковый клейнотъ ему врученъ. Откуда заразъ же пошли всѣ къ слушанію Божественной литургіи, а по выслушаніи старики и Атаманы, по обычаю, проводя меня до куреня, и побывъ у меня съ поздравленіемъ новаго лѣта, разошлись.»

Кошевой описавъ раду эту, присовокупляетъ, что въ собраніи худости, споровъ и безчинствъ (отъ несобранія голосовъ всего войска), по причинѣ сильнаго въ куреняхъ смотрѣнія и убѣжденія не происходило.

Точно такой же обычай существовалъ и у Донскихъ казаковъ. Также шумно и нерѣдко случалась драка при началѣ и въ концѣ выборовъ войсковаго Атамана, если одна станица казаковъ не соглашалась съ другою въ выборѣ. Всякій хотѣлъ поставить на своемъ. Смѣняемый Атаманъ, снявъ шапку, кланялся казакамъ на четыре стороны и потомъ смиренно клалъ булаву на столъ, поставленный среди майдана. Вновь избранный въ началѣ по обычаю отказывался отъ уряда, потомъ выходилъ изъ среди казаковъ, и подходя къ столу, у котораго стоялъ Асаулъ, бралъ отъ него булаву и также кланялся на всѣ стороны. Казаки кидали на него шапки, стрѣляли изъ ружей и пушекъ, если были по близости, а потомъ пировали.

Наказные Кошевые и Войсковые Атаманы были и въ войскѣ Запорожскомъ, а на Дону должность эту исполнялъ Войсковой Судья.

Одежда Запорожскихъ Кошевыхъ и Донскихъ Войсковыхъ Атамановъ, состояла изъ шапки бархатной, опушенной соболемъ, верхняго кафтана польскаго покроя, суконнаго по большой части синяго. Кафтана нижняго изъ шелковой матеріи, шальваръ красной бумажной матеріи и чоботовъ (сапоговъ) довольно длинныхъ. Вооруженіе ихъ составляли кинжалы и сабли.

Для ограниченія власти Войсковаго Атамана, утверждено было правительствомъ Русскимъ общее собраніе чиновъ и народа собиравшееся для разрѣшенія какого либо важнаго дѣла. Собраніе это называлось *Войсковымъ кругомъ*.

Коль скоро получалась отъ Царя грамота или указъ или случалось какое либо общее войсковое дѣло, то всѣ казаки, жившіе по городкамъ *сполоху*, собирались на майданъ, гдѣ стояла *Войсковая изба* и по собраніи казаковъ, приходилъ Войсковой Атаманъ, сопровождаемый старшинами и людьми бывалыми; приходу Атамана предшествовали Асаулы, приносившіе на площадь бунчуки, знамена и прочіе регаліи. Атаманъ съ булавою въ рукахъ выходилъ изъ «войсковой избы» и становился среди собранія. Асаулы положивъ жезлы свои и шапки на землю, читали молитву, кланялись сперва Атаману, а потомъ на четыре стороны казакамъ. Послѣ этого брали жезлы свои, надѣвали шапки, подходили къ Атаману, и принявъ отъ него приказаніе, возглашали: Помолчите Атаманы молодцы и все великое войско Донское! Народъ утихалъ и слушалъ, что говорили Асаулы и высказавши что слѣдовало, спрашивали согласія казаковъ. Общій голосъ рѣшалъ дѣло, въ случаѣ разногласія прибѣгали подъ руку Царя и его воля исполнялась безпрекословно.

РЕГАЛІИ (*).

БУНЧУКИ. (Турецкіе Санджаки).

Изъ грамоты данной Гетману Богдану Стефаномъ Баторіемъ мы видимъ, что Король «Бунчукъ пожаловалъ Гетману: *на знакъ звытяжства его з войскомъ своимъ надъ народомъ Азіатскимъ, отъ кого и Клейнотъ сей добутъ працею Гетманскою и кровію казацкою.*»

Наиважнѣйшій штандартъ казацкаго рыцарства, есть конскій хвостъ, сдѣланный добрымъ художествомъ изъ многихъ хвостовъ совокупленныхъ вмѣстѣ и окрашенныхъ красною краскою, а потомъ сплетаютъ къ нимъ головку изъ тонкихъ волосяныхъ веревокъ, которыя падаютъ на хвостъ для большаго украшенія, мѣшая бѣлый цвѣтъ съ чернымъ, а надъ всѣмъ симъ насажена великая мѣдная позолоченная маковица. Гетманскій бунчукъ, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ, былъ вышиною въ три аршина и даже болѣе. Запорожскіе бунчуки, пожалованные

(*) *Регаліи* (Клейноты, съ польскаго Klejnot драгоцѣнность, пактъ на дворянство Klejnoty stanu szlacheckiego).

Баторіемъ въ одно время какъ и Гетману были изъ бѣлыхъ волосъ съ красными веревками.

Если Гетманъ былъ избранъ съ общаго согласія Запорожскихъ и Украинскихъказаковъ то онъ имѣлъ въ числѣ клейнотъ бѣлые, черные и красные бунчуки.

Въ 1647 году, Хмѣльницкій избранный Гетманомъ на Запорожьѣ началъ и на своихъ бунчукахъ употреблять вмѣсто черныхъ бѣлые волосы и тогда же были устроены малые бунчуки величиною до двухъ аршинъ; эти бунчуки употреблялись въ обыкновенныхъ случаяхъ и давались Гетманомъ Наказному Гетману, сверхъ этого при бунчукахъ привязывались на серебряномъ снуркѣ двѣ серебрянныя же довольно большія висѣвшія кисти одна на другой.

До селѣ сохраняются еще бунчуки войска Запорожскаго въ столицѣ нашей и изображеніе ихъ въ какомъ видѣ находятся нынѣ, прилагается здѣсь.

Съ самыхъ древнихъ временъ казаки донскіе употребляли въ числѣ прочихъ регалій своихъ *Бобылевъ хвостъ*; клейнотъ этотъ подобенъ бунчуку, состоялъ изъ древ-

ка въ три аршина, на верху съ мѣднымъ вызолоченнымъ шаромъ, къ которому былъ прикрѣпленъ парящій орелъ, изъ шара выходили длинные бѣлые волосы. Знакъ этотъ въ войскѣ былъ символомъ *воли*, употребленіе его совершенно одинаковое съ бунчуками.

Въ 1706 году Петръ Великій, за вѣрную службу Донскихъ казаковъ, усмирившихъ въ Астрахани возмутившихся стрѣльцовъ — даровалъ Донскимъ Атаманамъ и казакамъ и всему Войску Донскому «Честные и знатные Войсковые Клейноты»: Войсковымъ Атаманамъ бунчукъ съ яблокомъ и съ доскою и съ трубою серебряною, золоченъ. Въ 1776 году Донцы получили бунчукъ отъ Императрицы Екатерины II. Бунчукъ этотъ состоялъ изъ длиннаго древка и длинныхъ бѣлыхъ волосъ на трубкѣ, въ которую вправлены волосы, на доскѣ находившейся при бунчукѣ была надпись: «Войска Донскаго, Войсковому Атаману Алексѣю Иловайскому, пожаловано въ 1776 году, во время командированія какъ оными такъ и всѣми иррегулярными войсками Генералъ-Аншефа Князя Потемкина».

Бунчукъ употреблялся при выходахъ Гетмана и Атамановъ къ народу, когда собирались рады, въ торжественныхъ случаяхъ, во время поѣздовъ казацкихъ предводителей и на походѣ всегда осѣнялись они бунчуками. Значеніе бунчуковъ какъ видѣли мы изъ грамоты Баторія—было владычество и побѣды казаковъ надъ Турками и Татарами. Во время походовъ, когда войско становилось таборомъ (лагеремъ), бунчуки ставились передъ палатками казацкихъ предводителей.

Даровавъ Гетману бунчукъ, Баторій тогда же учредилъ и чинъ *Генеральнаго Войсковаго Бунчужнаго*, который всегда хранилъ бунчуки и во время торжествъ и особенныхъ Гетманскихъ выходовъ самъ осѣнялъ его Бунчукомъ; въ эту должность поступали сыновья заслуженныхъ генеральныхъ чиновниковъ, храбрыхъ полковниковъ, богатыхъ и знатныхъ шляхтичей. Число этихъ чиновниковъ было весьма велико, при Мазепѣ, считалось ихъ болѣе ста человѣкъ, всѣ они составляли часть придворнаго Гетманскаго штата.

При Генеральномъ Бунчужномъ, состояли его помощники—*Товарищи Бунчуковые*. они носили въ торжествахъ малые бунчуки и служили изъ чести, безъ жалованья. Во время похода товарищи по выбору Гетмана слѣдовали за нимъ и исполняли разныя военныя порученія и были въ родѣ адъютантовъ. Генеральный Бунчужный и товарищи его носили шубы собольи съ рукавами, покрытыя бархатомъ, кафтаны шелковые шитые золотымъ позументомъ на груди.

На Запорожьѣ и Дону бунчуки носили войсковые старшины—Хоружіе.

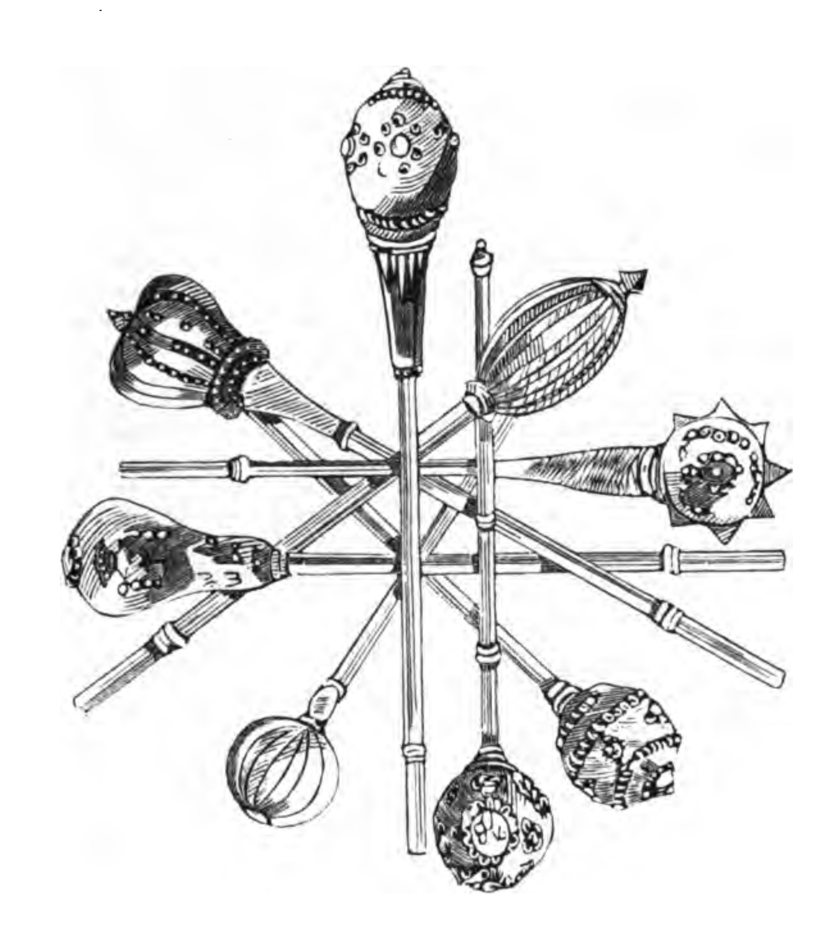
БУЛАВЫ.

Булава жезлъ правленія, сюда принадлежатъ Донскія *Трости* или *Насѣки*.

Булавы какъ и бунчуки раздѣлялись на большія и малыя, перначы или шестоперы или жезлы.

Обыкновенная Гетманская булава состояла изъ палки орѣховаго или другаго крѣпкаго дерева, длиною въ три четверти аршина, съ одного конца палки придѣлывался серебряный шаръ, нерѣдко продолговатый или имѣвшій видъ осьмигранника и другія формы, но всегда шарообразныя, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ, на которомъ изображены Гетманскія булавы до селѣ сохраняющіяся въ разныхъ мѣстахъ. Шаръ былъ серебрянный вызолоченный и осыпался жемчугомъ, лаллами, изумрудами, бирюзой и другими камнями. Также на булавахъ нерѣдко вырѣзывалась надпись какому лицу и отъ кого пожалована булава или приличное изрѣченіе, большею частію, взятое изъ священнаго писанія. У Мазепы была булава съ его гербомъ, у Самуйловича съ вензелемъ.

Противуположный конецъ палки также обдѣлывался въ серебряную оправу иногда гладкую а чаще съ узоромъ. Были булавы чисто серебряныя, безъ деревянной палки, такую булаву Хмѣльницкій получилъ отъ Польскаго Короля въ 1649 году, и отъ Турецкаго Султана осыпанную жемчугами и драгоцѣнными

камнями. Дорошенко отъ Крымскаго Хана получилъ подобную же булаву. Булава присланная Царемъ Хмѣльницкому, по принятіи его въ подданство Россіи, была серебряная съ надписью 1654 года и вензелемъ Царя. Ближній бояринъ Бутурлинъ, при врученіи Гетману булавы сказалъ:

«Булаву сію, благовѣрный и христолюбивый Государь нашъ, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руссіи Самодержецъ, тебѣ, жалуя тебя, посылаетъ да того благополучно благочестивому воинству и всѣмъ людямъ начальствуешъ, гордящихся на православіе и непокоривыхъ да того тебѣ смиришии; воинствожъ твое благочестивое, яко же до нынѣ добрѣ устроивалъ еси, сице да и прочее время симъ пресвѣтлыя его Царскія державы знаменіемъ, булавою тако смотрѣливие управляти возможеши, яко да самое видѣніе стройнѣ управляемаго отъ тебѣ воинства вся враги, на вы востающіе и на благочестіе, устрашаетъ и отъ васъ прогоняетъ.»

Съ этого времени Гетманы Малороссійскіе при избраніи своемъ получали уже не отъ польскаго правительства знамена, бунчуки и булавы а отъ Великаго Государя Россійскаго.

Многіе Гетманы имѣли у себя нѣсколько булавъ и употребляли ихъ смотря по в:жно-

сти торжества, на которыхъ они должны были присутствовать. Дѣлались булавы и гораздо длиннѣе обыкновенныхъ, такъ что служили вмѣсто палки, такую булаву имѣлъ Самуйловичъ, въ то самое время когда былъ взятъ въ церквѣ и представленъ въ царскую палату предъ Голицына.

Въ торжественныхъ случаяхъ булаву Гетманъ носилъ въ рукѣ при избраніи вмѣстѣ съ нею получалъ ранговыя деревни называвшіеся *булавинскими*, доходы отъ нихъ поступали въ распоряженіе Гетмановъ, они были весьма значительны.

Полковники имѣли свои булавы *перначи* или *шестоперы* иначе полковничьи жезлы, отличавшіеся отъ Гетманскихъ булавъ меньшимъ размѣромъ и по большей части на верху былъ шестигранникъ, отчего и назывались *шестоперами*. Каждый полковникъ обязанъ былъ всегда носить при себѣ шестоперъ и носилъ его обыкновенно за поясомъ.

Запорожскіе Атаманы имѣли свои булавы и перначи, которыя также какъ и Гетманскія раздѣлялись на большія и малыя, большія были серебряные меньшія желѣзныя.

Булава войска Запорожскаго, доселѣ, въ числѣ прочихъ клейнотъ низоваго войска, сохраняется въ столицѣ нашей, имѣетъ какъ видно и на рисункѣ серебряный продолговатый шаръ, и серебряную обдѣлку на концѣ, самая палка орѣховаго дерева.

Перначи имѣли на Запорожьѣ Куренные и Походные атаманы и Полковники.

Какъ въ Гетманщинѣ такъ на Дону и на Запорожьѣ перначи посылались путешественникамъ въ знакъ защиты (Sauf-conduit). Во время избранія новаго Кошеваго Атамана, булаву подавалъ новоизбранному Войсковой Бунчужникъ.

Петръ Великій въ 1704 году пожаловалъ Донскому Атаману и казакамъ и всему войску *насѣку или трость, вновь сдѣланную въ Москвѣ*.

Въ указѣ Царя читаемъ слѣдующее: «Да сдѣлать насѣку изъ простаго дерева, толстую, длиною въ полтретья аршина, и выписать краскою на орѣховый цвѣтъ Ивану Петрову, и чтобъ положилъ онъ больше гораздо олифы, чтобъ та краска не стерлась и оправить съ обоихъ концовъ серебромъ, положа на то 1 ефимковъ, и внизу конца прикрѣпить желѣзцомъ тупымъ, и на той насѣки на верху, на оправѣ вырѣзать такъ: *Насѣка Войска Донскаго 1704 года*.»

Императрица Екатерина II, въ 1776 году, прислала войсковому Атаману, въ числѣ прочихъ клейнотъ, насѣку (большую булаву) и булаву обыкновенную. Насѣка деревянная, длиною два съ четвертью аршина, съ серебряною позолоченною головою, состоявшею изъ двухъ вмѣстѣ стиснутыхъ шаровъ; на верхнемъ шарѣ прикрѣплены вертикально два металическіе черные орла, крестообразно пересѣкающіеся. Булава сдѣлана изъ трости чернаго дерева, длиною въ аршинъ, гладкая, круглая голова и наконечникъ серебряный, вызолоченные. Надпись какъ на булавѣ, такъ и на насѣкѣ слѣдующая: *Войска Донскаго Войсковому Атаману Алексѣю Иловайскому, пожалована въ 1776 году, во время командованія какъ онымъ, такъ и всѣми иррегулярными войсками Генералъ-Аншефа князя Потемкина.*

Булава и насѣка Войска Донскаго хранились и въ торжественныхъ случаяхъ выносились Войсковымъ Асауломъ; булавы меньшія пернаты, имѣли прочіе Атаманы.

ЗНАМЕНА.

Лѣтописи часто упоминаютъ о казацкихъ знаменахъ «корогвахъ», существовавшихъ еще до Стефана Баторія; въ этихъ же лѣтописяхъ мы находимъ и описаніе изображеній на знаменахъ. Знамена были изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ, по большей части краснаго цвѣта, съ одной стороны, часто писали ликъ Пресвятой Богородицы, съ другой крестъ съ тростью и копьемъ, а вокругъ надпись какому полку принадлежало знамя, кѣмъ

и когда оно устроено; изображались также и святые угодники, которые считались покровителями казаковъ, ангелы, огненные мечи и другія священныя изображенія. Эти знамена оста-

валась въ войскѣ до перваго раздѣленія казаковъ на полки. Рожинскій установилъ въ каждомъ полку и сотнѣ особенныя знамена, подобныя польскимъ тогда употреблявшимся,

Баторій осѣнилъ главу народа казацкаго и все войско лыцарское Малороссійскихъ и Запорожскихъ казаковъ знаменемъ шелковой матеріи, розоваго цвѣта съ вышитымъ на немъ

на этихъ знаменахъ вмѣсто священныхъ изображеній появились уже орлы, мечи, львы, гербы повѣтовые и другія изображенія, въ сотняхъ были трехъ и четырехъ угольныя разноцвѣтные значки, съ наименованіемъ сотни.

серебрянымъ одноглавымъ орломъ, польскимъ гербомъ. Войскамъ отдѣльно отъ Гетманскаго, онъ далъ особенно такое же знамя, которое всегда должно было находится при Гетманѣ и называлось *Великою Народною Корогвою;* а

знамя собственно принадлежавшее Гетману называлось *малою корогвою.* Съ этого времени Польскіе Короли постоянно при избраніи каждаго новаго Гетмана присылали ему подобное знамя. Богданъ Хмѣльницкій (19 февраля, 1649 года) получилъ послѣднее уже знамя отъ Короля Польскаго.

Врученіе этого знамени Гетману побѣдителю польской республики, было чрезвычайное: вотъ какъ описываетъ его Польскій Подкоморій Львовскій, бывшій въ числѣ коммиссаровъ посланныхъ отъ Польскаго Короля къ Хмѣльницкому въ 1649 году.

Мѣстомъ для этого торжества назначена была широкая улица предъ дворцемъ Хмѣльницкаго, недалеко отъ квартиръ посланниковъ Московскаго и Венгерскаго. Передъ коммиссарами несли булаву Ловчій Панъ Крентовскій, а знамя Панъ Кельтинскій, Скярбникъ Кіевскій, впереди гремѣли Гетманскія трубы и литавры. Насъ ожидалъ Хмѣльницкій, стоя осѣненный бунчукомъ и окруженный своими Полковниками и другими Старшинами. Онъ былъ одѣтъ въ парчевую красную соболью шубу. Въ то время когда Панъ Воевода (Кисѣль) началъ объявлять Королевскую милость Гетману и Войску Запорожскому, Полковникъ Дзялкъ, стоявшій не вдалекѣ отъ Гетмана, закричалъ: Король какъ Король но вы кролевеняты творили глупости да и на творили, и ты Кисѣль кость отъ костей нашихъ, отсталъ отъ насъ и присталъ къ ляхамъ.»

«Потомъ Панъ Воевода вручилъ Гетману булаву, осыпанную бирюзою, а Панъ Хорунжій Новгрудскій, братъ родной его милости Пана Воеводы, поднесъ знамя красное съ бѣлымъ орломъ и надписью: Joannes Casimirus Rex. Хмѣльницкій принялъ булаву и знамя не изъявляя удовольствія, поклонился по казацки и потомъ просилъ насъ къ себѣ во дворецъ.

Рѣшившись отдѣлиться отъ Польши, Хмѣльницкій не заискивалъ уже расположенности къ себѣ польскаго правительства, планъ его присоединенія отчизны своей къ русскому царству приходилъ уже къ концу и по этому одни послы Русскіе, пріѣхавшіе въ Переяславль съ поздравленіемъ его съ побѣдою и женитьбою, были приняты имъ съ великимъ уваженіемъ.

Мы знаемъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ, долго не соглашался на предложеніе Гетмана, поступить подъ его высокую руку, но когда польское правительство явно стало выказывать недоброжелательство Россіи, тогда Царь согласился на желаніе Гетмана.

И по принятіи Хмѣльницкимъ и всѣмъ Рускимъ рыцарствомъ присяги на вѣрность подданства, Царь пожаловалъ Гетману свои царскія регаліи, которыя были вручены ему 8 января 1654 года, ближнимъ Бояриномъ Василіемъ Бутурлинымъ.

Въ числѣ регалій находилось знамя, и на томъ царскомъ знамени съ одной стороны былъ образъ Всемилостиваго Спаса, *написанный*, какъ сказалъ Бутурлинъ въ рѣчи своей Хмѣльницкому, *въ побѣду на враги*, съ другой, образъ Пресвятой Богородицы въ покровъ и преподобныхъ Печерскихъ со святою Варварою, Русскихъ молитвенниковъ въ ходатайство тебѣ (Хмѣльницкому) и всему твоему православному воинству...» и святіи же Божіи угодницы Русскіи Антоній и Өеодосій, со святою Великомученицею Варварою, ея же Святыя мощи, яко даръ многоцѣненъ ваша имать страна, яко же вначалѣ православія, въ Русской сей землѣ сея мощи, они же сами православие утверждаху,» сице и нынѣ да будутъ скори тебѣ и всѣмъ помощницы, утверждающе миръ православія, и знаменіе се Его Царскаго Величества да будетъ всѣмъ врагамъ вашимъ, побѣды знаменіе страшное и ужасное во бранѣхъ!»

При избраніи всѣхъ послѣдовавшихъ за Богданомъ Хмѣльницкимъ, Русскихъ Гетмановъ, Цари постоянно присылали свои клейноты и въ числѣ ихъ всегда находилось большое знамя, но уже съ изображеніемъ Угодниковъ Божіихъ и образа Спаса и Богородицы, и Государственнымъ гербомъ двуглавымъ орломъ.

Самуиловичъ получилъ *большую корогву* изъ бѣлой крущатой камки съ розовою каймою; съ одной стороны былъ вышитъ черный двуглавый орелъ, въ срединѣ его Георгій Побѣдоносецъ, вокругъ орла надпись: Дано ихъ Царскаго Величества вѣрному Гетману нашему Ивану Самуйловичу 1686 г.; съ другой стороны золотой крестъ во всю длину и ширину знамени и въ отдѣлахъ креста изображеніе въ первомъ, восьми-угольная звѣзда, во второмъ, вѣнецъ изъ листьевъ, въ третьемъ крестъ, въ четвертомъ мечъ. Мазепа получилъ отъ Великихъ Царей и Князей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Царевны Софія Алексѣевны знамя камки лазоревой, опушенное золотою бахрамою, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ россійскаго герба, подъ коимъ крестъ изъ звѣздъ и образъ Спасителя съ надписью: *Царь Царемъ и Гос-*

подъ Господемъ. По бокамъ креста также молитвенныя надписи, а внизу 1688 *года,* 6 *января, дано ихъ Царскаго Величества, вѣрному подданному войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетману Ивану Степановичу Мазепѣ.* Знамя это и понынѣ сохраняется въ московской оружейной палатѣ.

Скоропадскій и Апостолъ также получали отъ Царей знамена изъ бѣлой тафты съ золотою бахрамою, съ изображеніемъ двуглаваго орла и надписями, когда и кому даны.

Замѣтимъ, что въ Гетманскихъ полкахъ и въ числѣ регалій собственно принадлежавшихъ Гетману, никогда не употреблялись знамена турецкія и татарскія; на Запорожьѣ же постоянно такія знамена были въ употребленіи, на всѣхъ доселѣ сохраняющихся въ столицѣ нашей знаменахъ Запорожскихъ, мы видимъ луну, звѣзды восьмиугольныя, мечи съ лезвіями, раздѣленными на двѣ части и прочіе. Въ лѣтописи мы читаемъ, что въ 1669 году, посланники Дорошенка получили отъ Турецкаго Султана клейноты, въ числѣ которыхъ было знамя съ полумѣсяцемъ.

Получали Запорожцы знамена и отъ Царей съ двуглавыми орлами и другими приличными изображеніями, весьма сходными съ изображеніями бывшими на Гетманскихъ знаменахъ; такое знамя прислано было Запорожцамъ въ 1645 году; Петръ Великій прислалъ на Запорожье знамя розовой камки, опушенное серебряною бахрамою съ изображеніемъ двуглаваго чернаго орла подъ коимъ надпись: Славному Войску Запорожскому лѣта 1708 г. Впослѣдствіи подобныя знамена рыцари Запорожскіе получили въ 1734 году отъ Царицы Анны Іоанновны, въ 1763 Императрицы Екатерины II.

Донскіе казаки съ самыхъ отдаленныхъ временъ жаловались знаменами отъ Царей Московскихъ. Но нѣтъ свѣденія, когда именно присылались и какія были изображенія на тѣхъ знаменахъ Царскихъ. Въ грамотахъ дошедшихъ до насъ упоминается, что прислано было на Донъ въ 1614 году отъ Царя Михаила Θеодоровича съ дворяниномъ Иваномъ Окуловымъ знамя. Въ слѣдъ за симъ въ 1644 году Донцы получили отъ Царя второе знамя изъ крущатой красной камки съ лазоревою бахрамою, на томъ знамени написано: *въ серединѣ орелъ большой, а въ орлѣ клеймо; въ клеймѣ Царь на конѣ колетъ змію. Подпись у того знамени Государева титла:* Повелѣніемъ Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича, всея Россіи Самодержца, и при Его Государевѣ сынѣ, при Благовѣрномъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, послано сіе знамя на Донъ, Донскимъ Атаману и Казакамъ, лѣта 7152 августа въ 27 день.»

Алексѣй Михайловичъ послалъ въ 1646 г. Донцамъ знамя изъ червчатой камки, кармазиннаго цвѣта окайменное травянаго цвѣта камкою. Съ изображеніемъ весьма сходнымъ съ прежнимъ Донскимъ знаменемъ, посланнымъ отъ Михаила Θеодоровича за два года передъ этимъ. Въ 1673 года Царь послалъ Атаману второе знамя тафтяное съ изображеніемъ льва съ палашемъ, а въ 1679 году получили Донцы третье знамя за отраженіе отъ Кіева и Чернигова *крымскую татарву*; оно было изъ лазоревой тафты съ алою опушкою, писано съ обѣихъ сторонъ одинаково, серебромъ, золотомъ, баканомъ и ярью Венецейскими. На этомъ знамени изображенъ былъ крестъ о пяти степеняхъ съ одной стороны креста трость, съ другой копье и съ правой стороны креста солнце, съ лѣвой мѣсяцъ. На крестѣ написано: вверху *Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій.* Внизу, на первой и второй ступеняхъ: «Сіе знамя Великій Государь пожаловалъ Атаману и всему Донскому войску, на побѣду враговъ Божіихъ и противящихся намъ, лѣта 7187 января въ 22-й день».

Царь Петръ Алексѣевичъ въ 1705 году прислалъ Донцамъ большое знамя. «Да къ выше писаннымъ же войсковымъ клейнотамъ, указали мы, Великій Государь, послать въ прибавку, къ нимъ же Атаманамъ и Казакомъ, шесть знаменъ камчатыхъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ, Станичныхъ».

Императрица Екатерина II, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1775 г., пожаловала войску Донскому большое знамя бѣлой тафты шитое разноцвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ: съ одной стороны двуглавый черный орелъ съ другой коронованный, вензель Императрицы въ овальномъ щитѣ окруженномъ пальмовыми и масличными вѣтьвями, съ верху щита лучи и вокругъ всего этого вышиты золотомъ слова: Нашему вѣрнолюбезному войску Донскому за храбрые и мужественные подвиги, во время минувшей войны съ Турками, дано въ 10 день іюля 1775 года.

Послѣ этого Донцы получили отъ Императрицы знамя въ 1795 году и въ послѣдующіе за симъ годы часто присылались отъ Государей подобныя знамена.

Кромѣ изчисленныхъ знаменъ Запорожцы

и Донцы по примѣру Гетманскихъ казаковъ имѣли знамена въ своихъ Куреняхъ и Станицахъ и наконецъ значки въ каждой сотнѣ. Гетманская артиллерія и полковые города имѣли особенныя знамена, въ войсковой артиллеріи съ изображеніемъ гарматы (пушки) и трехъ ядеръ, на красной матеріи, полковыя съ гербами и другими изображеніями.

Большое Царское знамя въ Гетманщинѣ называлось, какъ я сказалъ выше, *Народною Корогвою*. Для храненія народной корогвы и выноса ее въ торжественныхъ случаяхъ учрежденъ былъ чинъ *Генеральнаго Войсковаго Хорунжаго*. Въ полкахъ полковые знамена хранились и носились во время торжества и похода *Хорунжими Полковыми* а въ сотняхъ *Сотенными Хорунжими*.

При Генеральномъ Войсковомъ Хорунжемъ была содержима на жалованьѣ отпускавшемся отъ Войсковаго Скарба, конная команда, которая именовалась *Командою у Народной Корогвы*. Разумовскій далъ этой командѣ гусарскіе зеленые мундиры. Она постоянно находилась въ столицѣ Гетмана а во время путешествія Гетмановъ всегда часть ее слѣдовала за нимъ. Въ послѣдствіи она обращена была въ Губернскую Новгородъ-Сѣверскую штатную роту. На Запорожьѣ, царскую хоругвь во время торжествъ носилъ Войсковой Старшина и также назывался Хорунжимъ. На Дону то же самое.

ПЕЧАТИ ВОЙСКОВЫЯ

Употребленіе печатей у казаковъ весьма древнее; со времени устройства Баторіемъ казачьихъ войскъ, печати считались въ числѣ регалій Гетмана и Атамана и вручались Гетманамъ и Атаманамъ при ихъ избраніи. Описаніе печати Гетманской я заимствую изъ неизданной лѣтописи у меня находящейся.

«На сей печати Малороссійской войсковой гербъ: то есть, воинъ въ колпаку перекривленномъ, на плещахъ мушкетъ, а при боку шабля и казацкій рогъ з порохомъ и кулями имѣющій. Данъ Войску отъ Короля Польскаго и Венгерскаго Стефана Баторія въ 1576 году.»

Вирши на гербъ Малороссійской.

Войска казацкаго, воинъ знаменитый,
Вооруженъ бодрствуетъ, отчизну хранить.
Аще и враговъ, коихъ незрндъ предъ собою
Обаче оружіе готово до бою.
Инатъ тѣмъ востающи супостаты сильны,
Хотѣвія своего падоша омильны.
Ибо вѣстъ сей за вчасу предварятн злому,
Да въ порабощеніе не будетъ никому,
Якоже дѣло добрà пастыря суща
Воспятити и стаду волка грядуща.»

«Егда же въ 1708 г. Мазепа змѣнилъ, пришедъ до Короля Шведскаго, забралъ з собою Войсковыя булавы и печать Малороссійскую, тогда Благочестивѣйшій Государь Петръ Великій, на поставленіе вмѣсто отпадшаго Мазепы, на Гетманство Скоропадскаго, далъ оному при Сенаторахъ изъ своихъ Монаршихъ рукъ, булаву и палашъ, и повелѣлъ вирѣзати войсковую печать съ прежнимъ того воина печати гербомъ, на которой около написано: *Печать Малой Россіи, Войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Запорожскаго, гербъ Малороссійскій.*»

Печать войсковая находилась въ ведѣніи Генеральнаго Войсковаго Писаря.

У Запорожскихъ казаковъ получившихъ Войсковую печать въ одно время съ Гетманцами отъ Баторія разнствовала только тѣмъ, что близь казака было вырѣзано на курганѣ водруженное копье, какъ знакъ пограничной службы Запорожцевъ.

Въ 1760 году вмѣсто копья на печати Запорожской вырѣзано было какое-то зданіе въ нѣсколько этажей, которое по мнѣнію Г. Скальковскаго, могло означать сѣчь или фигуру сигнальную. Надпись до 1763 года была: *Печать славнаго войска Запорожскаго Низоваго.*

Указомъ 6 іюня 1763 года, повелѣно, вмѣсто существовавшей до сего времени надписи на войсковой печати вырѣзать слѣдующую: *Печать славнаго войска Запорожскаго Низоваго.*

Печатью войсковою завѣдывалъ Войсковой Судья.

Петръ Великій въ 1704 году пожаловалъ войску Донскому, *за вѣрную службу, по восдѣланную* серебряную печать, которая по Царскаго Величество указу сдѣлана въ то время въ Москвѣ и подписано къ ней сицевыми словами: *Печать войска Донскаго.*

«Присланнымъ 1704 года 2 августа, изъ Нарвы въ Посольскій Приказъ, Государерымъ указомъ, за рукою Боярина Ѳеодора Алексѣевича Головина, предписано сдѣлать печать Донскую серебряную, величиною такову, какъ при томъ письмѣ вложенъ образецъ, и вырѣзать подпись, какъ на немъ подписано; а въ срединѣ вырѣзать во всемъ такъ, какъ у нихъ водится: Мужика сидящаго на бочкѣ, держа въ одной рукѣ кальянъ и въ саблѣ препоясанъ, только прибавить и вырѣ-

зать въ другой рукѣ фузею; и взять для того изъ оружейной палаты мастера Левкина, который печати рѣзалъ.

Каждый Полковникъ, Старшины имѣли свои особенныя печати, которыя употребляли при исходившихъ отъ нихъ бумагахъ, изображенія были разныя напримѣръ: на старой печати Лубенскаго полка было изображено знамя и крестъ. На печати Бугогардовской паланки былъ изображенъ олень и копье. Печати полковыя сохранялись у Асауловъ.

ЛИТАВРЫ

При избраніи Гетмановъ, Атамановъ Кошевыхъ и Полковниковъ литавры, трубы, барабаны и тарелки, всегда присылались отъ Польскихъ Королей. Это обыкновеніе началось также со времени Баторія, онъ первый ввелъ въ казацкіе полки музыку. Въ числѣ

подарковъ Турецкій Султанъ также нерѣдко присылалъ Гетманамъ литавры; со временъ Хмѣльницкаго и Цари Московскіе поддерживали этотъ обычай и также въ числѣ прочихъ регалій присылались и литавры, хотя опи въ жалованныхъ грамотахъ и не всегда упоминались.

Музыкою въ полкахъ завѣдывали Асаулы; въ Сѣчи же былъ особенный чинъ — *Войсковой Довбышъ*, который ежегодно въ первый день января и въ большія рады билъ въ литавры и барабанъ и давалъ знать рыцарямъ

войска Запорожскаго, что Атаманъ Кошевой стоитъ подъ бунчукомъ и ожидаетъ начатія рады. Въ случаѣ болѣзни Довбыша, мѣсто его заступалъ Поддовбышній. На картинѣ изображены литавры и тарелки, употреблявшіеся въ старину въ Украйнѣ.

Сверху онѣ были покрыты натянутою кожею, въ которую ударяли двумя небольшими искусно сдѣланными и выкрашенными палками; полукружія были мѣдныя посеребреныя или окрашенныя голубою, зеленою и красными красками и разрисованы цвѣтами, верхніе бордюры были всегда серебряные.

ФЕРЕЗЕИ И ШАПКИ.

Польскіе Короли и Турецкіе Султаны присылали Гетманамъ шубы дорогихъ мѣховъ, покрытыя парчею или другою шелковою матеріею, но шубы не считались въ старину особенною торжественною принадлежностію Гетманскаго одѣянія, а употреблялись болѣе какъ роскошь. Алексѣй Михайловичъ, по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, прислалъ Хмѣльницкому, въ числѣ прочихъ регалій, ферезею бархатную, красную, съ вышитыми золотыми двуглавыми орлами и подбитую дорогими соболями, такую одежду отъ Хмѣльницкаго получали при избраніи и всѣ прочіе Гетманы.

При торжественномъ врученіи Гетману Царскихъ регалій, Бутурлинъ надѣвая на плеча Хмѣльницкаго эту богатую шубу сказалъ:

«Благочестивый Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руссіи Самодержецъ, орла носяй печать, яко орелъ покрыти гнѣздо свое и на птенца своя вождѣлѣ, градъ Кіевъ съ прочими грады, Царскаго своего орла нѣкогда гнѣздо сущіи, хотяй милостію своею Государскою покрыти съ нимъ же и птенца своя вѣрные нѣкогда подъ благочестивыхъ Царей державою сущіе въ защищеніе свое пріяти, въ знаменіе таковыя своя Царскія милости тебѣ одежду сію даруетъ, сею показуя яко всегда непремѣнною своею Государскою милостію тебѣ жъ и всѣхъ православныхъ, подъ его пресвѣтлую Царскую державу подклаbяющихся, изволи покрыти, и ты же, да сію отъ Царскаго Его Величества пріемъ твою начатую службу къ Царской его державѣ и къ защищенію православныхъ теплою ризою сею одѣвайся, согрѣваеши яко да рожденъ ревностно о вѣрѣ православной и о царскаго его Величества державѣ на враги побораеши.»

Надѣвши мантію Бутурлинъ взялъ съ блюда драгоцѣнную шапку бархата краснаго съ двумя страусовыми перьями прикрѣпленными дорогою пряжкою, опушенную чернымъ соболемъ, и надѣвая на Гетмана говорилъ:

«Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ презумленной, и промыслъ благоугодный о православія защищеніи смышляющій, сію шапку пресвѣтлое Царское Величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ здраву главу твою соблюдая, всяцѣмъ разумомъ ко благу воинства преславнаго строенію вразумляетъ, се тя Гетмана имуще вѣрніи и тобою смысленно управляеми, враговъ ногами попирати и безуміе гордыхъ умной главѣ твоей покоряти возмогутъ.

Шубы собольи, и кафтаны шелковые получали отъ Царей и Атаманы Войсковые и Кошевые; торжественное одѣяніе ихъ отлц-

чалось отъ Гетманского шапкою, которую увидимъ ниже и вмѣсто длинной мантіи надѣвали шубы какія носили Гетманскія полковники и также съ разрѣзными рукавами.

ПОДАРКИ.

Цари Московскіе, Турецкій Султанъ, Короли Польскіе, Крымскіе Ханы и другіе державные особы часто присылали Гетманамъ и даже Полковникамъ разные дары, и въ замѣнъ ихъ сами получали отъ Гетмановъ богатые подарки.

Турецкій Султанъ и Крымскій Ханъ, присылали Гетманамъ сабли булатныя осыпанныя яхонтами, рубинами, бирюзою и изумрудами, ружья драгоцѣнно обдѣланныя.

Турецкій Султанъ, по заключеніи Хмѣльницкимъ мира съ польскою республикою (1649 г.), прислалъ въ подарокъ Гетману булатную саблю бархатную мантію опушенную горностаемъ и булаву; въ то же время Хмѣльницкій получилъ и отъ Короля Польскаго въ числѣ прочихъ подарковъ драгоцѣнно обдѣланную саблю.

Двѣ сабли особенно замѣчательныя по своей богатой и красивой отдѣлкѣ изображены на прилагаемомъ рисункѣ, на польской саблѣ вырѣзана латинская надпись съ означеніемъ года 1649, и имени Хмѣльницкаго, на другой вензель Турецкаго Султана, обѣ сабли хранятся въ Москвѣ.

Начиная отъ Богдана Хмѣльницкаго Цари наши дарили Гетмановъ по большой части соболями, бархатами, шубами и подобными вещами. Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ Богдану черезъ пословъ своихъ Василія Михайлова и Григорія Унковскаго *десять сороковъ* соболей. Въ замѣнъ этого подарка Гетманъ послалъ Царю коня Арабскаго и Турецкій дорогой лукъ.

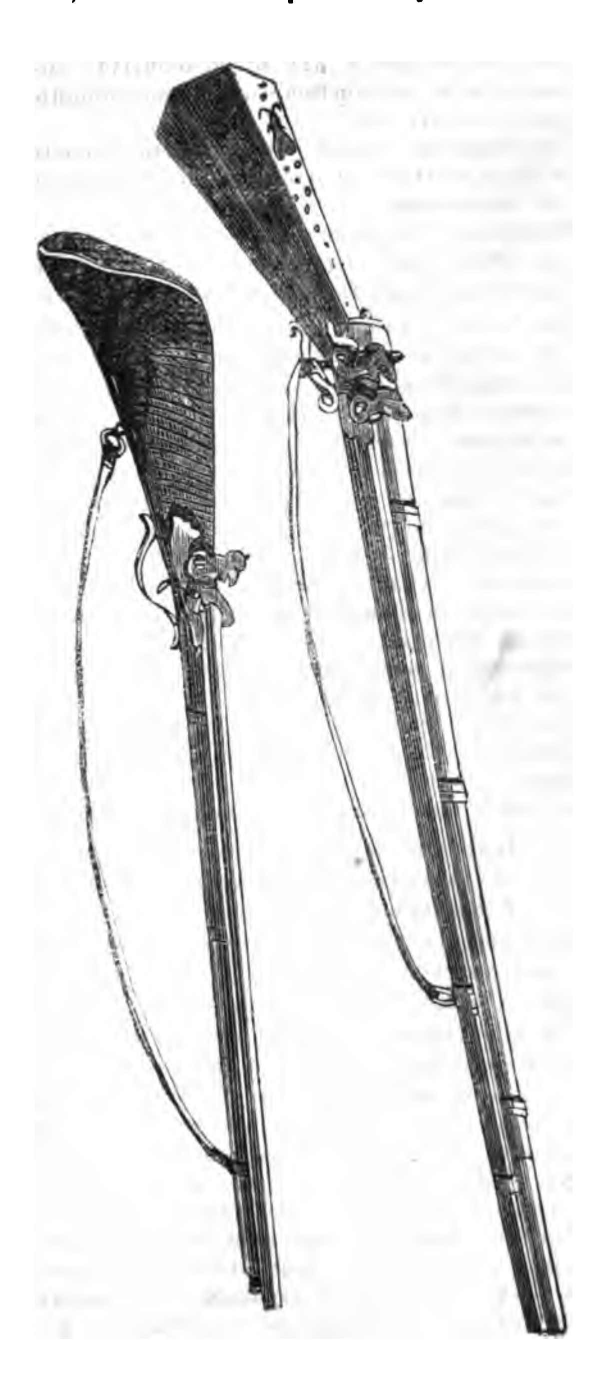
Потомъ въ 1649 году Царь прислалъ Гетману и Старшинамъ собольи мѣха, парчи, бархаты и сукна и сверхъ этого казну для рыцарства. Тогда же Любомирскій представилъ отъ своего Короля Гетману ковры превосходной отдѣлки, драгоцѣнные поясы, и тонкія польскія сукна. Гетманъ послалъ Царю турецкое сѣдло съ чапракомъ, унизаннымъ жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, два турецкихъ ружья, двѣ пары пистолетовъ одинаковыхъ и булатную саблю.

Султану и Хану, Хмѣльницкій постоянно посылалъ въ даръ плѣнныхъ поляковъ или отрубленныя ихъ головы сложенныя въ бочки, подарки эти были для обоихъ Магометанцевъ пріятнѣйшими дарами, въ то время когда

Польша перестала посылать къ нимъ деньги, которыя въ прежніе годы получались ежегодно отъ короля.

Августа 15 дня 1653 г., подъячій Иванъ Ѳоминъ привезъ отъ Царя Гетману соболи и двухъ турецкихъ жеребцовъ. Гетманъ опять отдарился турецкими ружьями и саблями.

Юрій Хмѣльницкій, Выговскій, Брюховецкій, Самко и Золотаренко получали отъ Царя соболи, бархаты, кафтаны вышитые золотомъ, шубы и парчи.

Брюховецкій въ 1665 году, привезъ Царю ружье турецкое и казацкое, оба эти ружья хранятся въ Москвѣ. Принявъ боярство Брюховецкій получилъ ферезею, бархатъ золотой двоемахровый, аламы низанные жемчугомъ, каменьями, лаллами и изумрудами.

Брюховецкій ударилъ челомъ передъ Царемъ дарами: сайдакомъ, палашемъ, протазаномъ, чапракомъ, уздой въ серебрѣ, въ золотѣ оправленными украшеніями, яшмой, бирюзой и яхонтами.

Самуйловичъ получилъ отъ Царя въ 1667 году, двѣ ферезеи бархатныя подбитыя соболями и вышитыя каменьями. Сынъ его, за взятіе Корсуня въ 1679 году получилъ: булатное зеркало, гладкую золотую пищаль, бархаты и соболи. Въ 1687 г., Гетманъ опять получилъ дорогой бархатъ, два золотыхъ изобрафа, шесть портищъ камки китайской, атласы, соболи и иноходца съ царской конюшни.

Мазепа получалъ безчисленныя дары отъ Царя: соболи, сабли, бархатныя золотыя ферезеи, кафтаны атласные съ алмазными пуговицами, ружья, сабли, золотыя и серебряныя чарки, деньги, лошади и все прочее. Кромѣ этого ежегодно посылалось ему отъ Царя: бочка рейнскаго вина, а съ 1698 года, по двѣ бочки, бочку уксусу Новгородскаго, бочка орѣховаго масла, бѣлуга большая, семга, лимоновъ пять сотень, сто стерлядей и прочіе продукты. Съѣстные припасы получали и остальные Гетманы, но уже въ гораздо уменьшенномъ количествѣ.

Мазепа при свиданіи съ Царемъ въ Острожскѣ, по покореніи Азова, поднесъ Царю саблю турецкую въ золотой оправѣ съ драгоцѣнными каменьями и щитъ съ такими же украшеніями на золотой цѣпи. Потомъ онъ подарилъ турецкихъ жеребцовъ, дорогія турецкія сѣдла съ чапраками и разное оружіе.

Дары отъ Царей присылались Гетманамъ и Атаманамъ всегда при милостивыхъ и похвальныхъ грамотахъ; а Запорожцы посылали въ столицу *въ гостинецъ* бѣлыхъ верблюдовъ, и разное оружіе, добытое въ Стамбулѣ. Донцы посылали ко двору кромѣ разныхъ подарковъ, рыбу свѣжую, Донскую, и сами получали ежегодно денежное жалованье, сукна, свинецъ, порохъ и прочія вещи, которыя привозились изъ Воронежа въ *бударѣ* т. е. баркѣ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ СТАРШИНЫ.

Рыцари трехъ казачьихъ обществъ управлялись своими Войсковыми Старшинами, которые въ Малороссіи титуловались Генеральными Старшинами — Вельможными Панами, они засѣдали въ Генеральной Войсковой Канцеляріи, судилище верховное, находившееся въ непосредственномъ веденіи Гетмана; отсюда выходили Гетманскіе универсалы и объявлялись Высочайшія повелѣнія, составлялись новыя узаконенія и разбирались дѣла воинскія и гражданскія, доходившія аппелляціоннымъ порядкомъ. Генеральная Канцелярія была верховною аппелляціею.

Первый старшина въ Генеральной Войсковой канцеляріи былъ *Генеральный Обозный*, начальникъ обозовъ и всей вообще артиллеріи; въ Малороссіи ему подчинены были всѣ *ПолковыеОбозные* завѣдывавшіе артиллеріями полковыми. Жалованья получалъ 1000 польскихъ злотыхъ и мельницу. Богданъ Хмѣльницкій исходатайствовалъ ему рангowыя деревни. *Генеральный Войсковой Писарь*, завѣдывавшій всѣми вообще войсковыми дѣлами, приводилъ въ исполненіе Гетманскія повелѣнія. Окладъ его жалованья былъ одинаковый съ окладомъ Генеральнаго Обознаго. *Генеральный Войсковой Асаулъ*, первый чиновникъ послѣ Генеральнаго Обознаго, но третій по мѣсту засѣданія въ Генеральной канцеляріи; онъ управлялъ всѣми вообще казачьими войсками какъ въ мирное такъ и военное время, подъ распоряженіемъ Гетмана; всѣ Полковники были ему подчинены. Въ послѣдствіи времени отъ него было отдѣлено гражданское управленіе и ввѣрено другому чиновнику. Жалованья получалъ 400 польскихъ злотыхъ, мельницу и ранговыя деревни.

Генеральный Судья завѣдывалъ собственно гражданскою частію, но присутствовалъ въ Генеральной Войсковой канцеляріи и нерѣдко разбиралъ дѣла военныя; получалъ жалованья по 100 злотыхъ, мельницу и деревни.

Всѣ эти чины равно какъ и завѣдывавшіе войсковыми регаліями, составляли свиту Гетмана (кругъ аристократическій), и были собственно министрами въ краю своемъ, они отличались отъ прочихъ чиновниковъ, богатствомъ, одѣяніемъ, образованностію и древнимъ шляхетскимъ происхожденіемъ, но впрочемъ въ эти должности назначались и не имѣвшіе нѣкоторыхъ изъ исчисленныхъ достоинствъ, но пріобрѣвшіе право на избраніе личными заслугами.

Особенныхъ регалій они не имѣли; одежда ихъ была сходная съ одеждою Полковниковъ ниже описанною.

Войскомъ Запорожскимъ Низовымъ управляли *Войсковые Старшины: Войсковой Судья, Войсковой Писарь и Войсковой Асаулъ. Судья* судилъ рыцарей и разбиралъ дѣла военныя и гражданскія, а въ случаѣ отсутствія *Кошеваго*, командовалъ всѣмъ рыцарствомъ Запорожскимъ. Писарь завѣдывалъ всею перепискою Войсковою и какъ ни Кошевой, ни Куренные и даже Судья не знали грамоты, то Писарь, какъ грамотный человѣкъ, имѣлъ вѣсъ надъ всѣми, за его подписомъ исходили всѣ бумаги. Войсковой Асаулъ исполнялъ дѣла полицейскія, нерѣдко управлялъ особенною военною командою, которая вручалась ему для преслѣдованія гайдамакъ и польскихъ дворянъ наѣзжавшихъ на Запорожскія земли. Онъ также наблюдалъ во время походовъ за порядкомъ и соблюденіемъ установленныхъ обычаевъ въ войскѣ, раздавалъ фуражъ и жалованье, и исполнялъ повелѣнія и резолюціи Кошеваго.

На Дону управляли войсковыми и гражданскими дѣлами также *Старшины Войсковые. Должность Войсковаго Дьяка* соотвѣтствовала должности *Войсковаго писаря на Запорожьѣ*. Войсковой Асаулъ исправлялъ обязанность Запорожскаго Асаула. Судъ и расправа зависѣла отъ *Войсковаго Круга;* потомъ въ 1700 г., было учреждено Петромъ Великимъ *Правленіе Старшинъ*, это правленіе ограничило самовольство и безчиніе, происходившее въ войсковыхъ кругахъ. Предсѣдательствовалъ въ правленіи Войсковой Атаманъ а за нимъ Старшины. Споры и дѣла гражданскія и уголовныя рѣшались какъ и на Запорожьѣ по древнимъ обычаямъ совѣстью и здравымъ разсудкомъ старшинъ; съ дѣлопроизводствомъ и судо-

производствомъ казаковъ мы познакомимъ читателя съ другимъ отдѣлѣ нашего сочиненія.

Въ 1775 году совершенно уничтоженъ войсковой кругъ и учреждена Императрицею Екатериною II *Войсковая Канцелярія.* Тогда же всѣ чины казачьи сравнены съ армейскими, войско Донское получило новую организацію.

ПОЛКОВНИКЪ.

Гетманскій Полковникъ былъ командиръ и главный начальникъ въ своемъ полку, составлявшемъ, отъ временъ Баторія область съ городами, мѣстечками, селами, хуторами и деревнями. *Паланочные Полковники,* на Запорожьѣ, были главные начальники ввѣ-

ренныхъ имъ паланокъ; паланки также занимали большое пространство, въ нихъ находились богатыя усадьбы и деревни. На Дону мѣста полковниковъ занимали *Станичные Атаманы.*

Гетманскому Полковнику были подчинены всѣ полковыя учрежденія, по этому Полковничья власть была весьма велика. Полковникъ имѣлъ полное право на жизнь и смерть каждаго казака, совершившаго важное преступленіе.

Во всѣхъ казачьихъ обществахъ Полковники, или равные имъ чиновники по должностямъ, въ старину избирались вольными голосами и утверждались Гетманомъ, а въ послѣдствіи, русскимъ правительствомъ.

Доходы Полковниковъ были велики, Хмѣльницкій еще болѣе увеличилъ ихъ, испросивъ у Царя каждому Полковнику по мельницѣ и жалованья ежегодно по сту ефимковъ. Кромѣ этого Полковники владѣли въ полкахъ своихъ богатыми ранговыми деревнями, нерѣдко состоявшими изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ. Это богатство соблазняло Генеральныхъ Старшинъ и мы находимъ въ лѣтописяхъ многіе примѣры принятія Генеральными Старшинами полковничьихъ урядовъ: Скоропадскій промѣнялъ свое Генеральное Асаульство на мѣсто Стародубскаго Полковника; Леонтій Полуботокъ, будучи Генеральнымъ Бунчужнымъ принялъ Полковничій перначъ Переяславскаго полка.

Регаліями Полковниковъ Гетманскихъ были: перначъ или шестоперъ, описаніе, котораго мы уже представили читателямъ; полковое знамя, полковая печать и музыка. Запорожскіе Полковники и Станичные Атаманы имѣли тѣже клейноты, исключая музыки. При всѣхъ Полковникахъ находились канцеляріи.

Немногіе изъ Гетманскихъ Полковниковъ знали грамоту, а въ особенности въ старину, отъ Запорожскихъ же и Донскихъ, этого не только не требовалось, но даже считалось излишнимъ и вреднымъ для военной должности.

Походные Полковники на Запорожьѣ точно такъ какъ и Станичные Атаманы, во время войнъ всегда командовали частію войскъ, какъ на морѣ такъ и на сушѣ. Они посылались для содержанія постовъ по границамъ и ежегодно избранные изъ нихъ, ѣздили въ Москву за жалованьемъ, гдѣ какъ Запорожскіе такъ и Донскіе посланники принимались при дворѣ весьма радушно, были угощаемы во дворцѣ Царскимъ столомъ *съ удовольствомъ,* какъ выражались они, *подчиваны романѣею.* Запорожскіе депутаты ѣздившіе въ Москву именовались *Столичниками.* Они состояли изъ Пановъ: Полковника походнаго, Писаря, Асаула и семнадцати Куренныхъ Атамановъ, выбранныхъ на *радѣ.* Депутація Запорожская сперва являлась къ Гетману и получивши отъ него открытый листъ отправлялась въ Москву. Донская депутація состояла изъ Станичнаго Атамана и одного Войсковаго Старшины, Малороссійскія изъ Полковниковъ, и нерѣдко изъ Генеральныхъ Старшинъ и всегда съ многочисленнымъ придворнымъ штатомъ.

Всѣ вообще депутаты получали изъ рукъ Царскихъ богатые подарки: сабли съ портретами и гербами царскими, серебряныя и золотыя чарки и келехи, а нерѣдко и дорогія хрустальныя чаши, сукна, кафтаны, медали золотыя, соболи, шубы богатыя покрытыя парчею и бархатами и денежное жалованье.

Изъ одного сохранившагося драгоцѣннаго документа, мы видимъ обрядъ избранія Полковника въ Гетманщинѣ:

«Чины полковые и весь полкъ собранъ былъ на площадь, передъ церковь з знаменами и музыкою. По прибытіи Пана Полковаго Обознаго и Пана Судьи, выпалено три раза изъ мушкетовъ залпомъ и музыка отдала честь. За тѣмъ вся полковая Старшина и Паны Сотники пошли въ церковь, куда всю корогву до остатку внесено, по окончаніи тоя службы Божіей, полкъ батогою приступилъ до самисенькои церкви и по поставленіи всея корогвы и знаковъ къ купѣ, полкъ потомъ сталъ тріангуломъ: Старшина полковая и Сотники и Хорунжій стали у знаменъ и по окропленіи ихъ Іереемъ Өедоромъ, святою водою, играно на трубы и бито въ литавры на избраніе, послѣ чего утихомирившимся казакамъ объявленъ универсалъ Ясневельможнаго Пана нашого Гетмана и читанъ оный Писаремъ Полковымъ Яковомъ Журьбою, потомъ приступлено до выбору и отобранія голосовъ по сотнямъ и по отобраніи таковыхъ единогласно избранъ таковый. По выбору Панъ Полковый Обозный подалъ новоизбранному полкову корогву и шестоперъ и музыку показавъ, тоди всею полковою корогвою окрытъ и шапками покрытъ и выпалено изъ гарматъ три раза, а изъ мушкетовъ многажде стреляно и по поздравленіи Пана Полковника, отправились въ церковь на молебствіе, а по окропленіи свя-

тою водою Полковника и послѣ цѣлованія имъ Святаго Животворящаго Креста, выпалено изъ гарматъ и мушкетовъ и музыка играла долгое время, а потомъ всѣ Паны Старшины пришли къ Полковнику съ поздравленіемъ и обидъ у него приняли, а казакамъ выкачено бочки з медомъ и горѣлки въ доволю, и по добромъ угощеніи веселіе до смерку было великое».

Какъ въ ясномъ зеркалѣ отражается въ этомъ избраніи, бытъ казачій того времени; мы дозволили себѣ перемѣнить нѣкоторыя только слова непонятныя для читателей.

Торжественная одежда гетманскаго полковника состояла изъ лисьей или соболиной шубы, съ разрѣзными рукавами, покрытой бархатомъ или парчею, обложеной золотыми снурками и украшенной кистями. Жупаны разныхъ матерій, большею частію весьма яркихъ цвѣтовъ; они шились нерѣдко также съ разрѣзными рукавами, которые застегивались золотыми круглыми пуговицами, часто осыпанными бирюзою, жемчугомъ и даже алмазами; Верхніе и нижніе каптаны (кафтаны) польскаго покроя, зимніе шились изъ сукна, лѣтніе изъ тафты и атласа; шальвары также чрезвычайно яркихъ цвѣтовъ и разныхъ матерій, шапки круглыя безъ пера, опушенныя соболями, съ верхомъ бархатнымъ и на срединѣ золотая пуговица съ драгоцѣннымъ камнемъ. Поясы шелковые чрезвычайно дорогіе, нерѣдко кожаные, совершенно покрытые серебряными съ чернью или чисто золотыми бляхами, усыпанными каменьями, поясы, какъ и всю вообще одежду, Полковники получали въ подарокъ отъ Гетмановъ, Польскихъ Королей, Царей Московскихъ, Турецкихъ Султановъ и Крымскихъ Хановъ. Сапоги всегда краснаго крымскаго сафьяна съ серебряными подковами, вышитые серебромъ, золотомъ и шелками. Нарядъ Запорожскихъ Полковниковъ состоялъ изъ верхняго кафтана, большею частію синяго тонкаго сукна, нижняго шелковаго яркаго цвѣта, шальвары бумажныя, нерѣдко бархатныя, поясъ дорогой, сабля турецкая, сапоги красные, шапки средней величины, зимою шубы дорогія. Донскіе Станичные Атаманы носили подобное же одѣяніе. Но нерѣдко можно было видѣть Атамана въ костюмѣ составлявшемъ смѣсь польскаго, русскаго, татарскаго и турецкаго одѣянія. Кафтанъ Донскихъ Атамановъ былъ немного короче кафтана малороссійскаго или запорожскаго, они дѣлались изъ парчи и другихъ матерій и застегивались *площами* (пуговицами) серебряными и позолоченными; поясы дорогіе протканные золотомъ, обшитые бахрамой съ кистями. Сверхъ кафтана надѣвали *черкеску* суконную съ разрѣзными рукавами, обшлага (заковражья), обшивались какъ и у Запорожцевъ золотымъ позументомъ. За поясомъ кинжалъ на *гайтанѣ*, турецкая шашка, ножны коея по сафьяну были обдѣланы серебряными и золотыми бляхами и осыпаны каменьями. Сапоги сафьянные; шальвары широкія яркихъ матерій, шапка съ соболиною опушкою, верхъ бархатный вышивался золотомъ и обкладывался галуномъ. Зимою шубы лисьи и собольи. Кромѣ этого платья носили осенью сверхъ черкески *киреи* съ шелковыми петлицами и мохрами; *азями* одежда длинная и широкая, родъ бекеша съ прямыми рукавами; верхомъ на лошади употребляли черкескія мѣховыя бурки, а на шапкѣ башлыкъ черкеской, перо же въ родѣ султана, на шапкѣ постоянно носили Кошевые и Войсковые Атаманы.

Полковники жили роскошно, до Мазепы это были маленькіе вассалы, нехотѣвшіе ни кого знать. Въ ихъ рукахъ была вся военная сила и по этому отъ нихъ много зависѣло избраніе какъ Генеральныхъ Старшинъ такъ и самого Гетмана, а на Дону и Запорожьѣ Войсковаго и Кошеваго Атамановъ.

СТАРШИНЫ ПОЛКОВЫЕ.

Обозный Полковой, первый чиновникъ въ полку послѣ Полковника, нерѣдко въ отсутствіе его правилъ полкомъ. Онъ былъ первый членъ Полковой Канцеляріи и непосредственно самъ завѣдывалъ всею полковою артиллеріею, надзиралъ въ походахъ за всѣми снарядами и обозами. Денежнаго жалованья ему не полагалось, но онъ владѣлъ нѣсколькими дворами въ ранговыхъ деревняхъ и получалъ большіе доходы отъ полка. Жилъ почти такъ какъ и его Полковникъ, стараясь подражать ему во всемъ. Одѣяніе его было одинаково съ Полковничьимъ, но онъ не имѣлъ Полковничьихъ регалій.

Полковой Писарь былъ чрезвычайно важный чиновникъ въ полку, министръ по должности, онъ завѣдывалъ всею письменною частію и за неграмотнаго Полковника самъ подписывался; въ его веденіи находилась полковая печать. Жалованья получалъ 50 польскихъ злотыхъ, потомъ владѣлъ ранговыми деревнями; одежда его была верхняя кафтанъ щегольской, съ разрѣзными рукавами, нижній бумажной или шерстяной матеріи, поясъ шелковый дорогой, обложенный золотою бахрамою съ кистями, шальвары яркихъ цвѣтовъ, шубы дорогія, впрочемъ безъ особенныхъ украшеній.

На Запорожьѣ и Дону Писари считались также великими людьми, учеными и мудрыми головами и даже благочестивыми потому только, что читали святыя книги.

Помощники Писарей, Подписаріи и Канцеляристы составляли Полу-панство *Подъпанки*, и также были въ большомъ почтеніи у казаковъ.

Полковой Асаулъ и Асаулы въ паланкахъ и станицахъ наблюдали за исправностію и чистотою въ полкахъ и паланкахъ и станицахъ и исправляли всѣ полицейскіе обязанности, производили слѣдствія и приводили приговоры войска въ исполненіе. Въ Гетманскіе полки, въ послѣднее время опредѣлены были по два Асаула, одинъ изъ нихъ занимался собственно полицейскою обязанностію, другой исполнялъ военныя порученія; жалованья, они получали по двѣстѣ злотыхъ а потомъ владѣли ранговыми деревнями; на Запорожьѣ и Дону Асаулы получали незначительное жалованьѣ. Помощники Асауловъ, назывались *Подъ-Асаульными* они исполняли на Запорожьѣ и Дону всѣ обязанности Гетманскихъ Сотниковъ.

Сотники такъ какъ и Полковники выбирались изъ своей сотни, и какую должность исполнялъ Полковникъ въ полку, такую Сотникъ въ сотнѣ. Сотня былъ большой уѣздъ, нерѣдко заключавшій въ себѣ кромѣ сотеннаго города нѣсколько другихъ. Денежнаго жалованья Сотники не получали, весьма не многіе владѣли ранговыми имѣніями но жили всегда роскошно, ибо отъ сотень своихъ получали значительные доходы.

Одежда ихъ состояла изъ кафтана шелко-

вой или шерстяной матеріи, чаще изъ польскаго сукна, шальвары лѣтомъ бумажной матеріи зимою тонкаго сукна; щегольской поясъ и шапка съ бархатнымъ верхомъ, опушенная мѣхомъ. Онъ имѣлъ всегда при себѣ саблю.

Подпанки находились въ командѣ Сотника или Станичныхъ и Паланочныхъ Асауловъ. Первый Подпанокъ въ гетманскомъ войскѣ былъ Войсковой Товарищъ, въ сотнѣ должность его соотвѣтствовала Полковому Обозному. Асаулъ, Хорунжій, Куренные Атаманы исправляли въ сотнѣ тѣ должности какія исправляли соотвѣтствовавшие имъ чины въ полку. Куренные Атаманы управляли курениями состоявшими не болѣе какъ изъ десяти хижинъ.

Сельскіе Атаманы управляли селами, одежда ихъ мало чемъ отличалась отъ одежды Войсковыхъ Старшинъ; Жили соотвѣтственно своимъ должностямъ и вмѣсто всѣхъ клейнотъ носили въ рукахъ *палицы*—палки означавшія ихъ старшинство. Подпанковъ народъ величалъ *панами добродіями*.

СОСЛОВІЯ.

ШЛЯХЕТСТВО.

Обозрѣвши всѣ чины и должности въ войскахъ Малороссійскихъ, Запорожскихъ и Донскихъ, мы видимъ, что они раздѣлялись на Пановъ и Подпанковъ, одного *Ясневельможнаго Пана Гетмана,* и *Ясневельможныхъ* Генеральныхъ Старшинъ; сюда же относились должности Кошеваго и Войсковаго Атамановъ. Панами же собственно именовались Полковники и старшіе чиновники въ полку и всѣ Станичные и Куренные Атаманы. *Подпанками* или *Полупанками* титуловались младшіе войсковые чины. Паны составляли въ Гетманщинѣ *шляхетское* сословіе. Титулы чиновниковъ присвоялись ихъ женамъ: *Вельможными Паннами* именовались жены Генеральныхъ Старшинъ, *знатными панями,* или *великими панями*, богатыхъ и знатныхъ Полковниковъ, просто *панями* именовались жены всѣхъ вообще чиновниковъ и даже богатыхъ Войсковыхъ Старшинъ.

Вельможніе Паны и Панія и жены богатыхъ и знатныхъ Полковниковъ и сами Полковники составляли въ Малороссіи высшее общество аристократію, во главѣ которой былъ всегда Гетманъ.

Аристократія всегда и во всемъ старалась подражать своему представителю, и по этому то почти всегда жила чрезвычайно роскошно, какъ жили богатѣйшіе польскіе магнаты и не въ хатахъ (хижинахъ), поставленныхъ въ два дня и обмазанныхъ глиною смѣшанною съ навозомъ, но въ прекрасныхъ, построенныхъ изъ дерева домахъ, гдѣ великолѣпіе и изящество встрѣчались на каждомъ шагу, пестрые турецкіе и персидскіе ковры покрывали стѣны въ этихъ домахъ, а роскошная польская мебель вызолоченная и обтянутая венеціанскимъ бархатомъ украшала каждую комнату. Окна прикрывались дорогими шелковыми занавѣсями, изъ потолковъ спускались богатыя лихтарни (люстры), привезенныя изъ за границы. Полы же закрывались мягкими коврами. Въ этихъ-то пышныхъ домахъ, у входовъ тѣснились гайдуки, казачки и младшіе чиновники, принадлежавшіе къ придворному штату вельможныхъ пановъ.

Пиры и безпрестанныя празднества составляли главное занятіе Гетманской аристократіи, не обремененной войсковыми дѣлами по своимъ должностямъ. На эти пиры нарочно пріѣзжали изъ Варшавы и другихъ мѣстъ королевства, польскіе графы, графини и богатѣйшіе магнаты. О пирахъ даваемыхъ Генеральными Старшинами гремѣла слава не только въ Малороссіи, но въ Польшѣ и даже Россіи, и немудрено, ибо роскошь въ угощеніи была чрезмѣрная, за пустую, нѣсколько рѣдкую вещь, сыпались деньги безъ счету.

На столахъ блестѣли серебряныя и золотыя чарки и келехи и употреблялись серебряные сервизы отличной работы, хрусталь и дорогой фарфоръ привозился изъ Богеміи и другихъ заграничныхъ мѣстъ. Столѣтніе меды, наливки, венгерское, мальвазія, токайское и другія дорогія вина лились рѣкой... Кухня была утонченная польская; для стола Гетманскаго или Генеральнаго Старшины привозились продукты со всѣхъ странъ свѣта: пряности получались чрезъ Турцію изъ Азіи и Африки, фрукты оттуда же и частію изъ западныхъ государствъ, рыба, кромѣ своей превосходной, изъ Москвы и Черноморья. Польскіе Короли и Московскіе Цари безпрестанно присылали огромные транспорты съѣстныхъ припасовъ Гетману и Старшинамъ и наконецъ количество и разнообразіе припасовъ, присылавшихся отъ Царя во время

Гетманства Мазепы превосходило даже вѣроятіе.

Сотни Гайдуковъ ярко разодѣтыхъ, какъ райскіе птицы, толпились у столовъ во время аристократическихъ пиршествъ. Польская

музыка, вообще прекрасно устроенная не умолкала во время обѣда, послѣ которыхъ по обыкновенію начинались польскіе и національные танцы, продолжавшіеся всегда далеко за полночь.

Танцы живые и разнообразные привлекали всѣхъ и каждаго и не было различія въ нихъ старикамъ отъ юношей. Нерѣдко можно было видѣть краковякъ или *мазуречку* (мазурку), составленную изъ однихъ девяти-десяти-лѣтнихъ стариковъ и старухъ, иногда же старикъ съ сивымъ усомъ и бѣлою какъ лунь головою танцовалъ какъ юноша, съ семнадцатилѣтнею красавицею и за нею не шутя приволакивался.

Обхожденіе высшаго панства было весьма утонченное, заимствованное отъ Поляковъ, при томъ добродушное; открытое, привлекательное и недвуличное, конечно Старшины обращались съ младшими съ нѣкоторою строгостію, но этого требовало приличіе и строгое малороссійское чинопочитаніе, но никогда ни одинъ Старшина не унижалъ и не насмѣхался надъ своимъ подчиненнымъ.

Женщины были вообще любезны, застѣнчивы и стыдливы съ незнакомыми, разговорчивы, даже болтливы и чрезвычайно милы съ знакомыми. Въ искуствѣ нравиться и завлекать въ свои сѣти молодежъ, да и *старосвитскихъ пановъ,* они нисколько не уступали полькамъ.

О красотѣ Малороссіянъ не буду говорить, она и безъ меня превознесена всѣми романистами, писавшими когда либо повѣсти и романы изъ быта малороссійскаго.

Въ обществахъ веселіе было непритворное, расчитанной холодности и равнодушія къ удовольствіямъ, нигдѣ не встрѣчалось. Не проходило недѣли, чтобы у богатаго пана не было гостей и не танцовали. Аристократія посѣщала другъ друга безпрестанно, расчетовъ въ визитахъ не было, какъ не было и другихъ причудъ нынѣшняго общества. Нерѣдко одно семейство пріѣзжало къ другому на нѣсколько недѣль и *добре* попировавши отправлялось вмѣстѣ къ третьему семейству, съ этимъ ѣхали къ четвертому, къ пятому и къ прочимъ жившимъ попути и потомъ уже цѣлымъ обозомъ, состоявшимъ изъ множества телѣгъ польскихъ и малороссійскихъ бричекъ, ѣхали въ Батуринъ или въ другой городъ, въ которомъ жилъ Ясневельможный, и у Гетмана пировали *на славу*. Часто паны брали съ собою въ дорогу, кромѣ большаго числа слугъ и служанокъ, цѣлый оркестръ музыкантовъ и иногда на пути, во время отдыха, на чистомъ полѣ, музыка начинала играть *горлицу* или *метемицю,* любимые танцы Малороссіянъ, или мазуречку и все вельможное панство пускалось плясать подъ открытымъ небомъ.

Въ каждый годичный праздникъ открывались особенныя увеселенія, сообразныя съ обычаями, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. На ярмарки пріѣзжало все окружное Панство и Вельможество, и конечно при большомъ съѣздѣ не доставало квартиръ, не только въ малыхъ городкахъ, но и въ значительныхъ полковыхъ городахъ. Недостатокъ въ помѣщеніи ни сколько не стѣснялъ ни самаго знатнаго аристократа ни тѣмъ болѣе простаго пана. Пріѣхавши обозомъ къ ярмарочной площади и не отыскавъ помѣщенія въ домахъ, тотъ часъ разбивали на площади красивыя польскія,татарскія или турецкія палатки, убирали ихъ внутри коврами и вельможество преспокойно помѣщалось въ нихъ, во все продолженіи ярмарки. Веселіе, начавшееся сей часъ по пріѣздѣ пановъ, кончалось съ отъѣздомъ ихъ. Музыка постоянно гремѣла у палатокъ и передъ ними народъ безъ всякой церемоніи начиналъ свои танцы и пѣсни: это утѣшало праздныхъ пановъ и они съ удовольствіемъ высылали изъ палатокъ своихъ водки, медъ и пиво танцовавшимъ; кромѣ этого въ домахъ пиры и танцы панскіе также не прекращались.

Осенью и зимою охота за лисицами и зайцами, волками и другими звѣрьми и птицами, также была однимъ изъ любимыхъ занятій панства.

Въ военное время вельможніе паны выступали въ походъ съ войскомъ и назади ихъ тянулись безконечные обозы, наполненные всѣми домашними вещами,служащими къ наслажденію и роскоши жизни, и чуть только побѣда была на сторонѣ казаковъ, вельможные паны уже пировали въ таборѣ.

Но эти вѣчные пиры, не прекращавшіеся празднества и роскошная жизнь не ослабляли ни храбрости ни любви вельможныхъ пановъ къ своей отчизнѣ, на полѣ брани, всякій панъ забывалъ удовольствія и летѣлъ на враговъ въ одномъ ряду съ регистровыми казаками, на полѣ битвы онъ искалъ какъ истинный рыцарь славы и только лично могъ ее достигнуть. Воинская слава была главная цѣль, которой все стремилось, всѣ старались заслужить и по этому панство, на войнѣ не щадило своей жизни, это то благородное стремленіе и было отличительною чертою характера малороссійской аристократіи.

Я сказалъ выше, что вообще малороссійское панство,всѣ обычаи и обряды заимствовало отъ поляковъ, заимствовало оно отъ нихъ и самую одежду. Національная одежда малороссіянокъ всегда измѣнялась на польскій образецъ, она состояла изъ шелковыхъ, бархатныхъ и шерстяныхъ тонкихъ матерій, получавшихся изъ Польши, Венгріи, Турціи и Россіи.

Кускомъ шелковой или шерстяной дорогой матеріи, богатыя *Паніи* обертывали себя вокругъ тонкой холстяной рубахи узористо вышитой на рукавахъ и внизу красною бу-

магою или шелкомъ, и подпоясывались дорогимъ кушакомъ около живота. Кусокъ такой матеріи назывался *плахою.* Передники парчевые или шелковые, на шеѣ всегда нѣсколько нитокъ, коралловъ или другаго мо-

ниста, или нитки крупнаго жемчуга и нѣсколько рядовъ золотыхъ монетъ съ большимъ серебрянымъ или золотымъ крестомъ, усыпаннымъ дорогими камнями или вмѣсто креста *дукатъ*, большая золотая монета, часто иконка или какой нибудь дорогой медальонъ. Во время праздниковъ или когда принимали гостей и выходили со двора, надѣвали короткую, перѣдко безъ рукавовъ юбку (кофточку), также шелковую или бархатную и обложенную золотыми снурками; сверху надѣвали *кунтуши* съ узкими рукавами, кунтуши шились изъ парчи или штофа и всегда съ яркими и большими цвѣтами; кунтуши лѣтніе обшивались и подкладыва-

лись атласомъ, зимніе опушались соболемъ и шились на дорогихъ мѣхахъ. Сапоги краснаго сафьяна, вышитые шелкомъ и канителью и на высокихъ серебряныхъ подковкахъ; лѣтомъ носили *черевики*: башмаки также изъ сафьяна. На головѣ женщины носили лѣтомъ *карабликu* бархатные, обложенныя соболемъ, зимою круглую бархатную или атласную шапочку опушенную мѣхомъ, старухи сверхъ этой шапочки накалывали тонкую и рѣдкую матерію, въ родѣ кисеи, наколка эта называлась *намиткою*. Шубы и муфты были въ въ большомъ употребленіи, въ холодное время они шились изъ лисьихъ и собольихъ мѣховъ и покрывались дорогими матеріями.

Панянки или Панночки дѣвицы высшаго круга, одѣвались всегда богато, національная одежда ихъ также состояла изъ *плахты* всегда шелковой, передника, польской бархатной или штофной кофточки обшитой золотыми снурками и всегда узкой, прекрасно обрисовывавшей стройную талію малороссійской красавицы, на шеѣ носили монисто, монеты, медальоны, кресты и иконки золотые. Верхняя одежда состояла изъ атласнаго часто бархатнаго и парчеваго кунтуша, съ яркимъ подбоемъ, обшитаго снуркомъ. Волосы зачесывали въ косу гладко, коса заплеталась съ лентами (косниками), низко спускавшимися. Серьги носили длинныя, съ большими каменьями; любили перстни золотые и кольца съ каменьями. Башмаки краснаго тонкаго сафьяна, шитые канителью; въ рукахъ держали хустку — тонкій холстяной платокъ, вышитый краснымъ шелкомъ; румянъ, бѣлилъ и лайковыхъ перчатокъ никогда не употребляли.

Высшее богатое панство образовывало дочерей своихъ въ Кіевѣ, весьма часто въ Варшавѣ и въ другихъ польскихъ городахъ; образованіе было не далекое, но достаточное съ понятіями того времени и общества. Сыновей паны образовывали большею частію въ Кіевѣ, Переяславлѣ и въ другихъ малороссійскихъ городахъ, гдѣ находились училища духовныя, а нерѣдко отправляли и въ Польшу. Впрочемъ глубокая ученость кромѣ духовенства не была достояніемъ малороссіянъ; благочестіе, набожность и соблюденіи всѣхъ постановленій церкви строго исполнялись и въ самомъ высшемъ кругу панства.

Женщины и дѣвицы занималась постоянно всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, соленіе разныхъ овощей, вареніе въ меду ягодъ и фруктовъ и тому подобныя занятія было ихъ дѣломъ. Панночки любили вышивать хустки, платки утиральники (рушники), поясы для отцовъ и другія вещи. Впрочемъ всѣ ихъ занятія мало требовали времени и по этому то малороссіянки, отъ аристократки до крестьянки включительно, были страшныя сплетницы и болтуньи; насмѣшки, выдумки и ссоры, изъ запустяковъ никогда не прекращались, эти сплетни весьма много вредили при выборахъ Гетмана и Старшинъ. Высшее общество раздѣлялось на партіи, партіи дѣйствовали на народъ и сильнѣйшія побѣждали малочисленныя, и *вольные рыцарскіе голоса* были въ самой сущности невольными и всегда какъ и вездѣ зависѣли отъ женщинъ, въ рукахъ которыхъ была власть Старшинъ и и нерѣдко самаго Гетмана. Женщины вообще любили музыку и пѣсни, хотя сами не играли ни на какихъ инструментахъ. Въ пѣсняхъ и думахъ, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, воспѣвались или рыцарскія дѣла или выражали грустныя чувствованія о смерти или объ отъѣздѣ въ походъ *коханого молодца*(казака), или же панночки грустили о промелькнувшей молодости.

Суевѣріе и предразсудки имѣли мѣсто и въ самомъ высшемъ кругу малороссійскаго панства; въ особенности же какъ и вездѣ женщины были болѣе заражены этими причудами.

Посмотримъ же теперь на жизнь высшихъ Запорожскихъ и Донскихъ чиновниковъ, составлявшихъ также аристократію, въ этихъ двухъ казачьихъ обществахъ.

Вельможный Панъ Кошевой Атаманъ съ Панами Войсковыми, походною Войсковою Канцелярію выѣхалъ изъ Сѣчи осматривалъ разныя паланки.

«Его Вельможность Атаманъ Кошевый *Петръ Ивановичъ Калнишевскій*, Панъ Судья Войсковый *Николай Тимофѣевичъ*, Панъ Писарь войсковый *Иванъ Яковлевичъ Глоба*, бывшій Войсковый Судья *Андрей Артемовичъ Носакъ* и Начальникъ Отецъ *Владиміръ Сокальскій* съ дьякономъ и войсковая Канцелярія походная, февраля 23 числа 1772 года, въ четвертокъ, до всходу солнца (изъ Сѣчи) выѣхали, И ѣхали чрезъ весь день и ночи до полчаса на зимовникъ бывшаго Старшины Войсковаго Асаула *Василія Андреевича Пишмича*. Но по темности ночи, не доѣзжая сего Пишмичева зимовника, подъ

сѣномъ стали, и заночевавъ чрезъ всю ночь, оныиъ сѣномъ лошадей кормили. 24 числа февраля взяли дальшій путь; въ какомъ пути поспѣли уже въ обѣдное время въ зимовникъ Пашмичевъ. Коимъ встрѣчею будучи принятые весьма хорошо, Пановъ и при Панахъ бывшихъ принимано, какъ-то: обѣдъ достаточный становилъ и горилкою не скудно подчивалъ. За се ему отблагодаривши поѣхали и ѣхали до Кодаку чрезъ весь день поспѣшно, куда въ Кодакъ уже при захожденіи солнца наспѣли. Но прежде въѣзда встрѣчены были въ« *Попасныхъ буеракахъ* » казаками Ново-Кадацкими, въ достаточномъ числѣ, хорошо одѣтыми съ прапоремъ. А какъ стали подуспѣвать и къ Кодацкому городу, тогда во первыхъ два изъ пушекъ сигнала дано, а потомъ разъ по разъ, изъ всѣхъ имѣющихся около городу раскатовъ стрѣльбу пушечную произведено. И были приготовленные въ священническое одѣяніе всѣ Священники со Діаковы, при башнѣ, что отъ Войскаго Дворца, для встрѣчи со Крестомъ; но что не въ сію, а въ другую поѣхали башню, для того Священники уже разобравшись (раздѣвшись) съ священнаго одѣянія, съ поклономъ на квартиру въ Войсковый дворецъ къ Пану Кошевому приходили и хорошо принятые будучи, отойшли. Гдѣ въ войсковомъ дворцѣ Панъ Кошевой съ Паномъ Пысаремъ, Панъ Судья же съ Андреемъ Артемовичемъ у *Кондрата Сѣверскаго,* а Отецъ Начальникъ съ Дьякономъ у Священника *Василія Алексѣева* квартирами стали. И ходили 25 числа въ Субботу въ церковь на утреню и на службу. Прежде службы былъ акафистъ, а по акафистѣ пѣто умиленную пѣснь: «О всепѣтая Маты!» и другія. А когда акафистъ совсѣмъ совершился, начата отцемъ Федоромъ Фомичемъ (Кодацкимъ Настоятелемъ) и служба Божія. А по службѣ Панъ Кошевой всѣхъ пановъ и священниковъ, въ томъ числѣ чрезъ ночь з Самары въ Кодакъ поспѣвшаго и Намѣстника (протоіерея, старшаго въ Духовномъ Правленіи) *Григорія Порохню* звалъ и по нѣскольку чарокъ горѣлки трактовалъ. И ходили всѣ по просьбѣ къ *Полтавцу* кушать, коимъ весьма хорошо, какъ сказываютъ, будучи принятые, воротились по квартирамъ. А на своей Панъ Кошевой опочивши ходилъ до вечерни; а по вечерни никуда нейдя, у себя вечерялъ и спать легъ и спалъ до утренняго звона, а въ то время въ церковь на утреню ходилъ, также и на службу, которая соборомъ отправуема была отцемъ Начальникомъ. А по службѣ всѣ вообще званы кушать къ Пану Судьѣ. Пообѣдавши жъ, въ домъ идучи, заходили въ квартиру Іерея *Феодора,* гдѣ побывъ малое время, разойшлись по квартирамъ. И Панъ Кошевой въ своей до вечерняго звона былъ, а тогда въ церковь на вечерню. По вечерни жъ къ Іерею Василію вечерять и въ гости до Іерея *Артема* ходилъ, у коего и пѣвчими былъ позабавленъ; а оттуда нейдя уже никуда, разойшлись по домамъ. И отъ 27 февраля за пощеніе принялись. Въ субботу сообщались (пріобщались Св. Тайнамъ) всѣ Паны. Отъ субботы до вовторника въ Кодакѣ живя, всякіе порядки обществу тамошнему полезные учреждали. И по учрежденіи у вовторникъ 6 числа марта о полдень взялись въ обратный маршъ: Панъ Кошевой, Панъ Судья и Отецъ Начальникъ, кои коль скоро съ квартиры выѣхали, за разъ разъ по разъ выстрѣлено изъ 3 пушекъ, и Козаки съ прапоромъ до *Попасныхъ* (буераковъ) провожали, а отъ Попасныхъ повернулись. Мы же противу 7 числа марта невдаль *Стефана Васильевича* зимовника, что въ Сурѣ, а противъ 8 числа марта въ Камяноватой, ночевали. Авось либо и въ Сѣчь поспѣемъ.»

Въ этомъ отрывкѣ, походнаго журнала Кошеваго Атамана, путешествовавшаго со всею своею аристократіею, бытъ панства Запорожскаго изображенъ ясно.

Вообще панство Запорожское любило въ частую поѣсть и попить, что называлось *добре погулять.* Конечно, Запорожцы не знали какъ и Донцы той утонченной нѣги и роскоши, какою наслаждались Малороссіяне, но все однако же предпочитали все лучшее худшему. Если аристократія Запорожская спала подъ сѣномъ, среди поля, то на пирахъ ихъ также лилось изъ серебряныхъ и золотыхъ чарокъ и келеховъ венгерское, мальвазія и другія вина, пили паны столѣтній медъ, сладкія наливки и *варенуху:* водку сваренную съ сухими плодами. Свѣжая рыба, соленая и сушеная баранина, и разныя крупы употреблялись на ихъ національной кухнѣ. Во время пиршествъ любили музыку и пѣніе бандуристовъ. Въ Сѣчевыхъ обществахъ, какъ мы знаемъ, не было женщинъ и общественныя удовольствія ограничивались попойкой и потомъ лыцарство ложилось отдыхать.

Жизнь паланочного панства во всемъ имѣла сходство съ жизнью небогатыхъ пановъ малороссійскихъ. Здѣсь пиры были рѣд-

ки и ограниченны, все безъ шума и особенной роскоши, но не лишены удовольствія и веселія. Панство паланочное ограничивало свою роскошь богатымъ оружіемъ, новымъ платьемъ, дорогими каменьями и вишневыми садками, раскинутыми подлѣ каждаго панскаго домика.

Образованіе было скудное, Войсковой Писарь считался въ обществѣ мудрецомъ и глубоко-ученымъ. Панство совершенно не знало граммоты. Такая степень образованности, панства оставалась и до послѣднихъ дней существованія Запорожской Сѣчи.

На Дону то же самое, съ тою только разницею, что во всѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ панства, со временъ Петра Великаго, Донцы дозволили участвовать женщинамъ, которыя до этого времени были тѣ же гаремныя затворницы и какъ турчанки закрывали лица свои покрывалами.

Женскій нарядъ состоялъ изъ юбки шелковой. Верхняя часть рубашки шилась изъ шелковой матеріи, широкія оплечья и рукава изъ парчи, воротникъ рубашки и рукава застегиваются золотыми запонками; шальвары атласныя, турецкаго покроя, часто шились изъ легкой полупрозрачной матеріи въ родѣ кисеи. *Кубелекъ*, родъ тюника, всегда спускается за колѣна онъ украшается подъ мышками вставками (ластовками), и застегивался жемчужными *плоцами* (пуговицами) весьма великими. *Кавракъ*, въ родѣ сарафана надѣвался сверхъ кубелека и также застегивается до пояса. *Перла* составляли на грудное украшеніе, они унизывались жемчугомъ или вышивались канителью и блесками. На плечахъ банты изъ золотаго позумента, и также украшались жемчугомъ и камнями. *Ичитки* или сапожки сафьяпные, шитые канителью, часто носили сафьянные башмаки. Поясъ бархатный, выложенный жемчугомъ, каменьями, золотыми и серебряными бляхами, онъ застегивался крючками. На головѣ женщины носили *повойникъ* парчевой, довольно высокій, сверху повойника повязывался платокъ, къ которому прикалывались ленты, у богатыхъ же и строусовыя перья, а лѣтомъ свѣжіе цвѣты. Въ праздники шапки собольи съ четвероугольнымъ верхомъ изъ малиноваго бархата, въ узоръ вышитою жемчугомъ и дорогими камнями. Изъ подъ шапки висѣли надъ ушами *чикилики*, низанныя въ сѣтку жемчугомъ и налобникъ изъ розоваго атласа. Носили браслеты (билезики) золотые, осыпанные жемчугомъ и кольца.

Дѣвицы украшали косу лентами, повязывали платкомъ, длинные концы котораго спускались по косѣ. Носили *челоухъ*, бархатныя высокія шапочки въ видѣ камилавки, эти челоусы вышивались жемчугомъ и каменьями.

Я сказалъ, что жизнь Донскаго панства во всемъ имѣла сходство съ жизнью Запорожскаго панства, она не отличалась и ни въ какомъ другомъ отношеніи.

Всѣ паны малороссійскіе были или коренные жители или потомки, древнихъ Князей Кіевскихъ, Черниговскихъ и Переяславкихъ, Бояръ и старинные казаки, передававшіе свое достоинство потомству и по чинамъ получавшіе ранговыя деревни, въ началѣ отъ Королей Польскихъ а потомъ и отъ Царей Московскихъ, или же шляхтичи польскіе и другихъ державъ дворяне, служившіе въ войскѣ Малороссійскомъ и стяжавшіе Рыцарское или Шляхетское достоинство, то есть дворянство, пролитіемъ крови за отчизну, или же пріобрѣвшіе его доблестными гражданскими подвигами.

Малороссійское шляхетство имѣло свои особенныя права и вольности, подробно обозначенныя въ литовскомъ статутѣ. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: Предпочтеніе предъ всѣми другими свѣтскими состояніями народными. Ближайшее всѣхъ право на чины духовные, военные и гражданскіе. Право избранія Гетмана и прочихъ чиновъ. Свобода во владѣніи собственными землями, угодіями и безпрепятственное учрежденіе фабрикъ, заводовъ и разныхъ промысловъ, отъ всѣхъ даней; право пользоваться всѣмъ въ собственномъ своемъ владѣніи находимыми въ землѣ и на поверхностяхъ металлами, минералами и солями. Что же касается до подсудимости, то шляхетство даже въ Государственныхъ и уголовныхъ преступленіяхъ «по доносамъ», или жалобамъ не могло быть взято подъ стражу.

ПОСПОЛИТСТВО.

Переходя къ другому сословію народному «къ Посполитству» т. е. крестьянству, нельзя не замѣтить рѣзкой противоположности въ правахъ и жизни этихъ двухъ состояній. Нигдѣ и никакіе крестьяне, въ благоустроенныхъ государствахъ, не были такъ уничежены и обременены непомѣрными налогами и податями какъ посполитство Малороссійское.

Начиная съ самыхъ древнихъ временъ, сословіе это исполняло всѣ требованія владѣльцевъ своихъ литовскихъ и польскихъ шляхтичей, не знавшихъ никогда границъ умѣренности. Шляхтичи эти довели посполит-

ство до крайней нищеты. Русское рыцарство, защищая права свои, вмѣстѣ съ этимъ защищало и права посполитства, и Сигизмундъ I-й вынужденъ былъ, въ 1569 году, подтвердить свободу русскаго посполитства, освободивъ его отъ всѣхъ обременительныхъ налоговъ и тогда же узаконилъ, чтобы земельное посполитство платило только съ десятины земли по два польскихъ гроша, а безземельное по грошу съ дыму т. е. съ трубы.

Этимъ благодѣтельныхъ учрежденіемъ посполитство недолго пользовалось, опять начались отъ своего же панства, разные тягостные налоги и поборы, и крестьянство снова ввержено было въ нищету.

Открылась унія, и она всею своею звѣрскою инквизиціонною лютостію пала на несчастное посполитство. Паны, подкрѣпляемые рыцарствомъ, были еще въ силѣ противится многимъ незаконнымъ нововведеніямъ польскаго правительства, да и сами рыцари защищали право свои саблями и копьями, но посполитство ни само не имѣло силъ защищатся и не было защищаемо рыцарствомъ, постоянно воевавшимъ съ врагами въ двухъ или трехъ главныхъ пунктахъ.

Польское войско приходитъ въ селеніе, гдѣ жило большое число посполитства, окружаетъ его карауломъ, требуетъ принятія уніи, и въ случаѣ отказа, грабитъ несчастныхъ поселянъ, жжетъ ихъ поля, домы, рѣжетъ скотъ, и обесчестивъ въ присутствіи самыхъ мужей и отцовъ, женъ и дочерей, отступало къ другому селенію или городу, передавая *схизматиковъ* т. е., отвергнувшихъ унію, корыстолюбивымъ жидамъ, а жиды православныя церкви содержали на откупахъ. Часто случалось, что первый крестьянинъ, отвергнувшій принятіе уніи, предавался страшнымъ мученіямъ: его рубили по частямъ, колесовали, съ живаго сдирали кожу или тянули жилы, сѣкли и жгли раскаленными прутьями и употребляли всѣ инквизиціонныя пытки, чтобы онъ принялъ унію. Въ церквахъ же польскіе солдаты стояли съ обнаженными саблями и заставляли народъ произносить въ символѣ вѣры извѣстное рѣченіе о Св. Духѣ и не повиновавшимся на мѣстѣ рубили головы. *Но сія вся,* пишетъ лѣтописецъ, *только начало болѣзнемъ бѣ.*

И дѣйствительно, время отъ времени, всѣ эти варварства и неистовства польскаго духовенства, вводившаго унію, усиливались до невѣроятія и уже дошло до того, что духовенство римское разъѣзжало съ тріумфомъ по Малороссіи, для досмотру и понужденія посполитсгва къ уніятству, и вожено было отъ церкви до церкви, двадцатью и болѣе человѣками въ цугъ, запряженными въ длинныя повозки; на прислугу же сему духовенству выбираемы были поляками самыя красивѣйшія изъ малороссійскихъ дѣвицъ.» Это писалъ лѣтописецъ и мы должны вѣрить безпрекословно. Вотъ въ какомъ положеніи находилось посполитство во дни уніи.

Богданъ Хмѣльницкій, растоптавшій славу и величіе польской республики и даровавшій новое благодѣтельное устройство своей отчизнѣ, возвратилъ и посполитству всѣ древнія и законныя его права. Съ этого времени панское посполитство, собственно крестьяне, свободно уже селились на земляхъ панскихъ и работали въ пользу пановъ въ положенные дни или получали отъ всякой своей работы часть: отъ на жатой копны извѣстное число споповъ, отъ смолотой мѣрки, корецъ и проч. Они имѣли право переходить отъ пана къ пану, заплативъ ему за провладѣніе землею, или исполнивъ другія положенныя условія. Переходы эти продолжались до мая мѣсяца 1783 года, съ этого же времени право это уничтожено.

Богатое посполитство имѣло свои грунты, домы и разныя удобья и жило какъ говорилось, *припываючи*; занимаясь промышленностью, или исключительно хлѣбопашествомъ. Бѣдные изъ посполитства: сосѣди, не хотѣвшіе селиться на земляхъ панскихъ, получали по условію участки отъ богатаго посполитства и такіе назывались *людьми грунтовыми.*

Посполитство свободное не жившее на земляхъ панскихъ, платило подати въ Скарбъ войсковой; подати были весьма умѣренныя, до начала Гетманства Брюховецкаго, а съ этого времени посполитство вновь было повержено въ крайнее бѣдствіе, изъ котораго никогда уже не выходило.

Мѣщане по городамъ жили гораздо спокойнѣе и счастливѣе посполитства. Магдебурскія права были дарованы Королями мѣщанамъ: Кіевскимъ, Переяславскимъ, Черниговскимъ, Нѣжинскимъ, Стародубскимъ, Погарскимъ, Мглинскимъ, Островскимъ, Новгородъ Сѣверскимъ и Кролевецкимъ. Они были подчинены единственно своему магистрату или же ратушамъ; избраніе старшинъ въ эти мѣста было вольное. Торгъ, врозвь въ городахъ гдѣ жили мѣщане исключительно имъ принадлежалъ, посторонніе же могли продавать товары свои оптомъ; мѣщане могли прода-

вать и покупать въ городахъ домы, землю и разныя угодія.

На Запорожьѣ, если не было сословія крестьянъ въ прямомъ смыслѣ, то было сословіе *женатыхъ* казаковъ, которые подобно свободному посполитству Гетманскому платили подати и выполняли разныя повинности по Кошу, въ которомъ, какъ мы знаемъ жили одни рыцари холостые, носившіе оружіе до женитьбы или и во все продолженіе своей жизни.

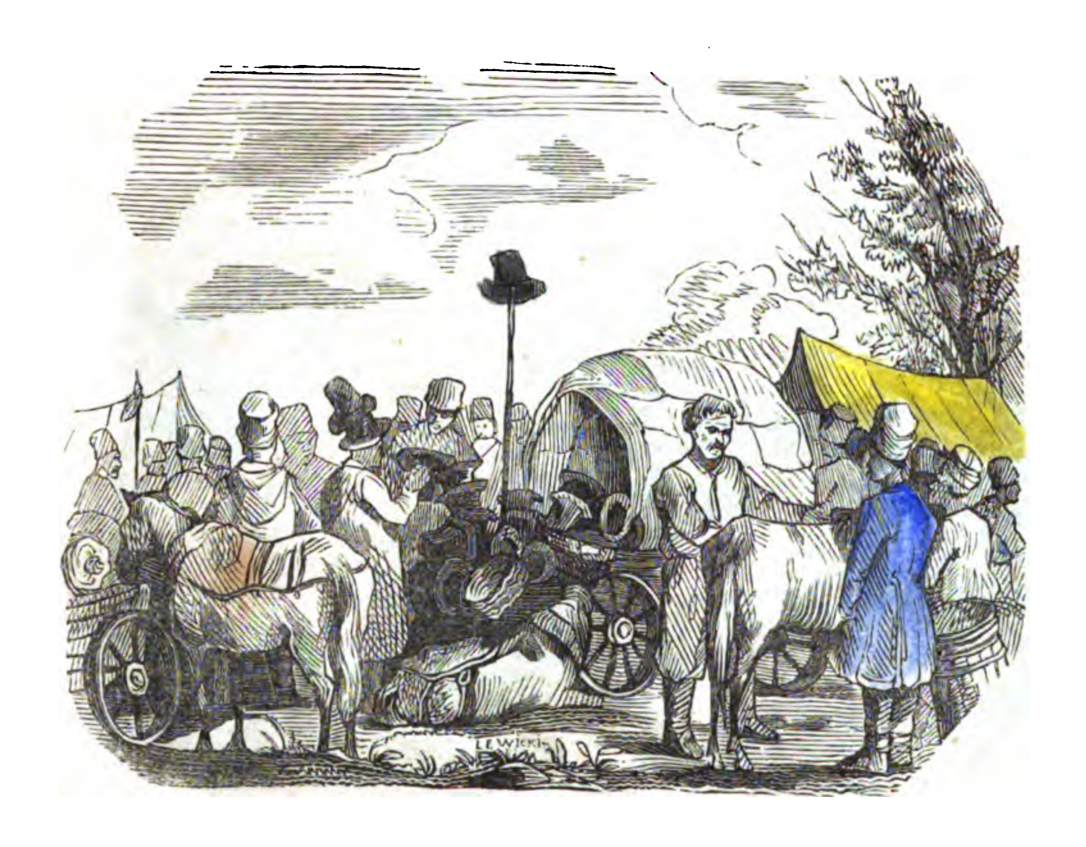
Женатые Запорожцы, или какъ они сами себя называли, *пожинившіеся*, жили въ паланкахъ, заключавшихъ въ себѣ многія села, деревни и хутора. Они также имѣли у себя подданство или собственно *посполитство грунтовое*, жившее въ хуторахъ и работавшее въ ихъ пользу.

Женатые казаки и посполитство или *подданство*, жило въ своихъ селеніяхъ и хуторахъ или зимовникахъ. А зимовники и хутора состояли изъ нѣсколькихъ хатъ (хижинъ), словомъ были небольшія усадьбы, гдѣ жило нѣсколько казаковъ: одинъ или два хозяина съ товарищами, работниками и *молодиками*, которые не въ силахъ были еще переносить тягость военной службы по молодости. Хутора или зимовники отличались отъ селеній тѣмъ собственно, что въ нихъ не было ни женщинъ ни дѣтей.

Въ дали отъ всѣхъ враговъ возмущавшихъ посполитство Гетманское, Запорожскіе женатые казаки и подданные жили въ паланкахъ спокойно не ожидая ни нападеній поляковъ ни введенія уніи. Они какъ Малороссіяне занимались (*дабались* т. е. добывали себѣ

хлѣбъ), скотоводствомъ, которое можно сказать составляло главное богатство въ Гетманщинѣ и Запорожьѣ; стада прекрасныхъ лошадей, рогатаго скота и овецъ привольно паслись на тучныхъ степяхъ украинскихъ и палаточныхъ и размножались быстро, безъ всѣхъ заботъ со стороны хозяевъ. Въ гостинцы Гетману и панамъ петербургскимъ и московскимъ всегда Украинцы и Запорожцы

присылали *горныхъ коней*, и эти кони весьма дорого цѣнились въ столицахъ. Вообще Запорожскія лошади были статны и превосходной крови. Живя по берегамъ рѣкъ изобиловавшихъ различными родами рыбъ Малороссіяне и Запорожцы любили заниматься рыболовствомъ, любили охоту, многіе изъ Запорожцевъ и Гетманцевъ цѣлой вѣкъ свой *лисичились*, т. е. ловили лисицъ, которыхъ мѣха всегда хорошо продавались крымскимъ татарамъ, частію же посылались въ подарки въ Москву.

Разведеніе садовъ и огородовъ и пчеловодство, также составляли не послѣднюю отрасль хозяйства посполитскаго. О сельскомъ хозяйствѣ и вообще о занятіяхъ посполитства мы подробно скажемъ въ другомъ отдѣлѣ старины.

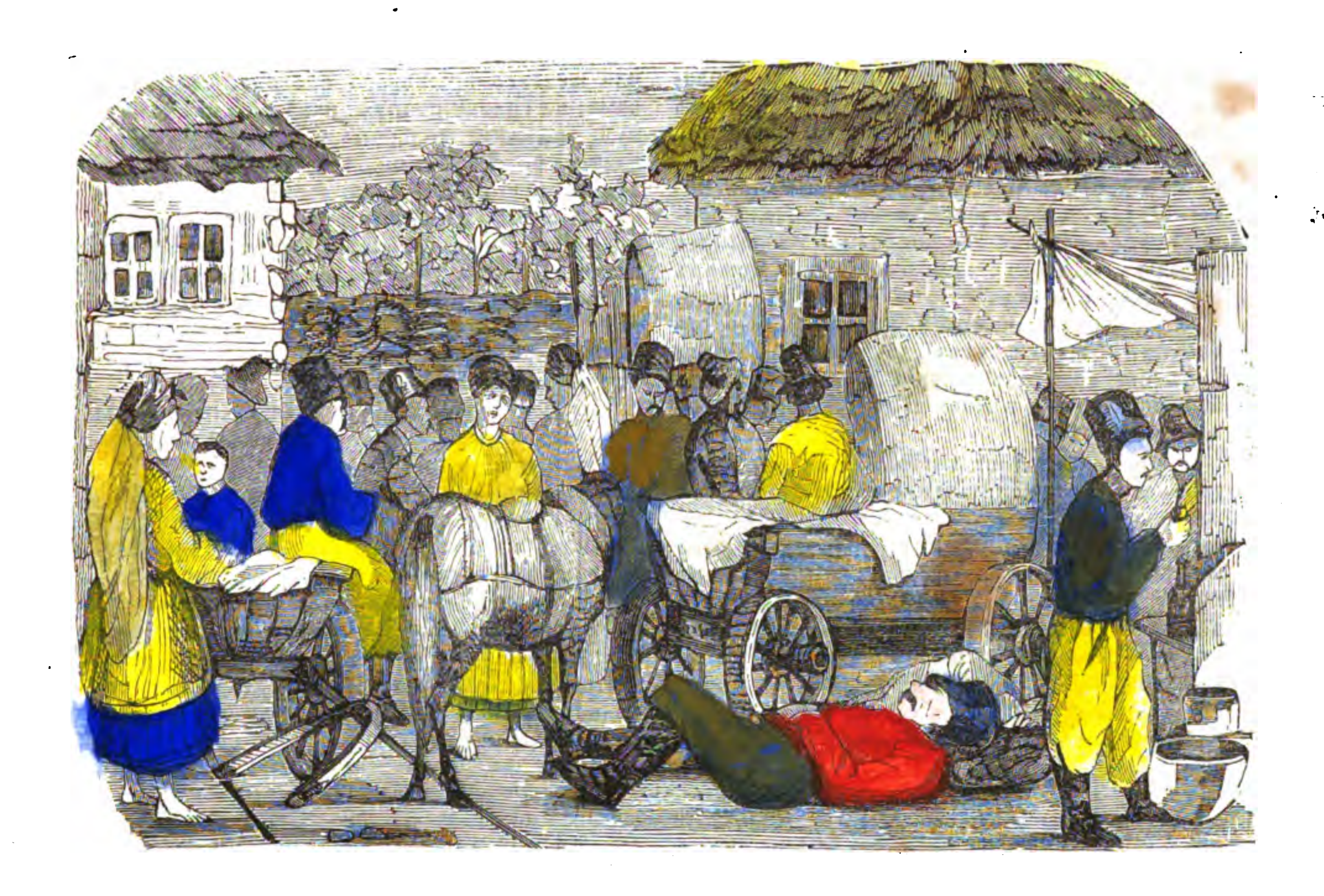
На Дону классъ подданства отличался рѣзко отъ прочихъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что до Петра Великаго Донцы не вели жизни осѣдлой, а потому и не могли обзавестись прочнымъ хозяйствомъ и не пахали землю, да и сами цари на это не соизволили имъ «дабы воинскимъ промысламъ помѣшки не было.» И былъ учрежденъ, отъ войсковаго круга, строгій присмотръ, «если который казакъ станетъ пахать, того бить до смерти и грабить.» Занимались же хлѣбопашествомъ преимущественно плѣнники, слуги Донцовъ, которые сѣяли хлѣбъ въ весьма маломъ количествѣ; рыбная же ловля была на Дону главнѣйшимъ промысломъ. Множество разныхъ

породъ скота и птицъ доставляли Донцамъ роскошную пищу.

Со временъ Петра Великаго, хлѣбопашество распространилось на Дону и классъ хлѣбопашцевъ получилъ свои особенныя права. Промыслы умножились, а разведеніе лошадей и рогатаго скота, чрезвычайно быстро распространилось по всѣмъ станицамъ; лошади донскія превосходятъ даже запорожскихъ.

что въ древности, всѣ три общества казаковъ составляли одно поколѣніе славянское, отъ котораго всѣ мы произошли.

Вѣчныя притѣсненія, крамолы и злоба угнѣтавшія малороссіянъ, наложили грустной отпечатокъ на физическую и духовную жизнь посполитства; посмотрите на лице Украинца, оно задумчиво, радость рѣдко проявляется на немъ, ему сродны заунывныя пѣсни, которыя

Разныя отличительныя постановленія и особенныя учрежденія казацкихъ обществъ, а равно мѣстность, сосѣдство и всѣ вообще отечественныя событія имѣли сильное вліяніе на характеръ посполитства или подданства: поставьте вмѣстѣ поселянъ украинскаго, донскаго и запорожскаго и вы тотчасъ ихъ различите по чертамъ лица, по одеждѣ и наконецъ, если захотите вникнуть въ характеръ и душу каждаго, то увидите въ нихъ чрезвычайную разность, вспомните при томъ,

онъ поетъ или слушаетъ въ нѣмомъ упоеніи; грустить, томится ибо ему отраднѣе грусть нежели радость, онъ вѣками сдружился съ первою и рѣдко когда встрѣчался со второю. Говорятъ что Малороссіянинъ лѣнивъ, вовсе нѣтъ, если возмемъ въ соображеніе его климатъ и природу, а еще болѣе, въ минувшіе годы, вѣчное опасеніе вражескихъ наѣздовъ, отъ которыхъ въ часъ истреблялось все то, что стоило крестьянину нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ сильныхъ трудовъ. Запоро-

жецъ привыкшій къ походамъ и оставившій пику и мушкетъ, все поетъ про отважные подвиги своихъ атамановъ-молодцовъ, онъ радъ первому удобному случаю, чтобы вновь косу смѣнить на рушницю. Донцы тоже самое, тамъ вся жизнь всѣхъ и каждаго проходила въ нескончаемыхъ пирахъ и походахъ. Нѣтъ похода и Донцы скучаютъ въ станицахъ, проводя время въ празднос[illegible] чаркою меда или вина. Въ памяти и воображеніи Запорожца и Донца вѣчно представлялись отважные наѣзды и молодецкіе подвиги на морѣ. Запорожецъ и Донской казакъ не думалъ какъ онъ проведетъ завтрашній день, правда, онъ не могъ поручиться и за цѣлость своей головы, но зналъ навѣрное, что если будетъ голова на плечахъ, то проведетъ день въ радости, безъ нужды и заботы. Малороссіянинъ совершенно думалъ иначе, передъ глазами его постоянно рисовались наѣзды поляковъ, представлялся пожаръ его имѣнія и безчестіе собственной семьи. Онъ не думалъ о жизни раздольной, о радостяхъ, но съ утра до утра заботился какъ бы уплатить тяжкія подати и этимъ избавить и себя и жену и дѣтей отъ послѣдняго разоренія.

Запорожцы и Донцы наряжаются въ богатые кафтаны и «зипуны», вышитые на рукавахъ и груди золотомъ; шальвары красныя, шириною до пяти аршинъ, подпоясываются шелковыми поясами. Малороссіяне же всегда ходили въ бѣдной одеждѣ: свитка грубаго чернаго, бѣлаго или сѣраго сермяжнаго сукка, «кобеникъ», свитка съ видлотою т. е. съ капюшономъ, который надѣвали въ дождливую погоду на шапку. Зимою *кожухъ* нагольный овчинный тулупъ, богатые носили байбаракъ — тулупъ покрытый бумажною матеріею или грубымъ сукномъ, шапка смушевая, чоботы простые съ желѣзными подподковами, кушакъ шерстяной синей или красный, шальвары простыя изъ полотна или сукна и рѣдко бумажной матеріи.

Мѣщане и достаточное посполитство, лѣтомъ носило одежду по большой части изъ бумажныхъ матерій, китайчатую; бѣдные же изъ толстаго полотна; рубахи всегда на воротникѣ и рукавахъ вышивались красною бумагою. Не только посполитство, жившее въ селахъ и деревняхъ, но старшины и мѣщане брили головы и бороды, оставляя усы и на головѣ не большой кружекъ изъ волосъ. Бороды же носили Лавники, Бургомистры, магистратскіе Райцы, и «почтенные» изъ мѣщанъ, а также на Запорожьѣ и въ Гетманщине «дѣды насичники». То же самое различіе и въ женской одеждѣ, жены казаковъ Запорожцевъ и Донцевъ одѣвались не только щегольски но даже пышно, одежду Донскихъ казачекъ, мы видѣли выше.

Малороссіянки носили плахты изъ шерстяной матеріи; плахтами они оборачивали себя вокругъ и у пояса стягивали какъ юбки; *запаски* и передники, кафтаны изъ сукна или бумажной матеріи разныхъ цвѣтовъ, у богатыхъ и бархатныя. Верхняя одежда состояла изъ длинной свитки китайчатой, зимой суконной, сапоги по большой части краснаго или желтаго крымскаго сафьяна, съ подковами, на голову старухи накалывали «намитку», замужнія женщины повязывали головы платками. Дѣвицы носили подобную одежду; на шею надѣвали до десяти нитокъ разнаго мониста, стекляруса и коралловъ, серебряныя и золотые монеты, привѣшивали разные медальоны (дукаты), кресты и образки. Голову убирали они лентами и натуральными цвѣтами; лѣтомъ черивики (башмаки), зимою сапоги сафьянные. Серьги и кольца малороссіянки весьма любили.

Такое точно одѣяніе употребляли и жены запорожскихъ казаковъ. Запорожцы по большей части женились въ Малороссіи.

Напрасно идетъ худая слава о Малороссійскомъ посполитствѣ, говорятъ, что они пьяницы, къ сожалѣнію даже это мнѣніе старались подтвердить и старосвитскіе паны, которые по пословицѣ «свою вину складываютъ на другихъ». Малороссіяне никогда не были пьяницами, у нихъ для этого не доставало средствъ, пили они часто, упивались на весельи, на свадьбахъ, крестинахъ и въ торжественные дни,но пьяныхъ трудно было видѣть въ будни, въ обыкновенные дни, а встрѣчать толпы пьяницъ въ Малороссіи на улицахъ, никогда и никому не доводилось; пьяницу въ селеніи или деревнѣ знали всѣ и указывали на него какъ на преступника. Это водилось въ стародавніе годы, водится теперь и правду сказать, великороссіяне противъ нихъ не въ примѣръ не воздержнѣе.

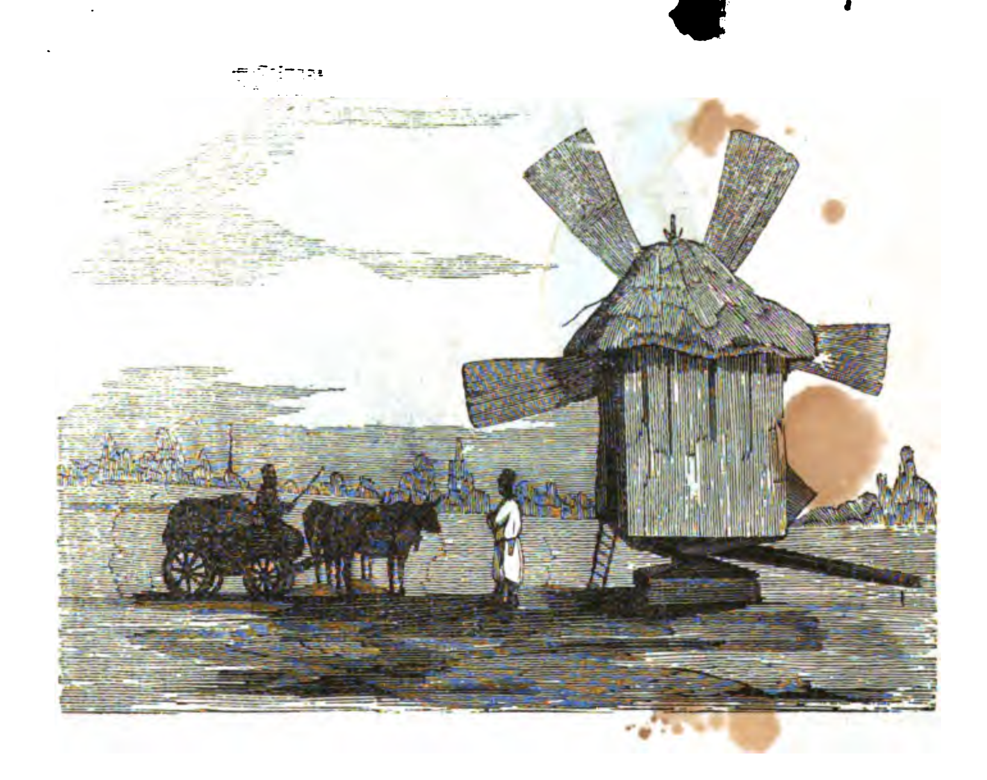
Отличительная черта Малороссіянина — вѣжливость, почтеніе старшихъ, добродушіе умъ, хитрость и вмѣстѣ съ нею соединенное плутовство. Жидъ вѣчный сожитель малороссіянъ всегда почти бываетъ обманутъ ими, и плутоватый украинецъ еще увѣряетъ всѣхъ, что не онъ жида, а жидъ надулъ его.

Войдите въ хату (хижину) Малороссіянина или женатаго Запорожскаго казака, хатка состоитъ изъ двухъ, рѣдко изъ трехъ отдѣ-

ловъ, но въ ней вездѣ чисто, опрятно, все у мѣста, въ первомъ углу образа, украшенные бумажными цвѣтами, работы *поповой дочки или паніи діяконши*, передъ иконами горятъ лампады и восковыя свѣчи, вся стѣна оригинально раскрашена разноцвѣтными глинами; подъ образами скрыня (сундукъ) съ плахтами, очипками и другимъ богатствомъ хозяйки; доставшимся ей въ приданое. Вокругъ стѣнъ *лавы*, скамьи, въ переднемъ углу чистая печь, въ *кимнатѣ* (маленькой комнаткѣ), постель и деревянная люлька (колыбель), качается привѣшенная веревками къ потолку. Куда вы не посмотрите и вездѣ увидите присутствіе глаза опрятной и *моторной* (старательной) хозяйки.

Прошли столѣтія, утихли брани и умолкъ громъ казацкихъ ружей и гарматъ, всѣ стародавнія бѣдствія исчезли вмѣстѣ съ Гетманщиною, и теперь уже; время отъ времени, блѣднѣютъ и исчезаютъ преданія старины, измѣняются нравы и обычаи казаковъ, но все еще, если посѣтите Малороссію, Заднѣпріе и Донъ, то найдете много стариннаго; часто услышите еще заунывную думу сѣдаго бандуриста, поющаго про сла[illegible]ныя дѣла лыцарскія и разсказывающаго, какъ бывало въ старину. Много найдете вы оригинальнаго въ Украинскомъ панствѣ и крестьянствѣ. Пріѣдете только на рубежъ [illegible]лороссіи и на васъ повѣетъ другой вѣтеръ, вы увидите другой народъ и другую страну, отъ простаго млина (мельницы [illegible]ной), устройство которой здѣсь и [illegible]столѣтія не измѣнилось, до богатого па[illegible]го дома, все васъ займетъ и многое удивитъ.

Теперь жизнь Малор[illegible]ссіянъ покойнѣе, крестьянинъ безъ опас[illegible]ія трудится надъ нивой, свободно продае[illegible] на ярмаркѣ свои произведенія и продавши ихъ, здѣсь же и роскошничаетъ.

На ярмаркахъ семейная картина жизни Малороссіянъ, вполнѣ развертывается предъ наблюдателемъ. Покойный Штернбергъ умѣлъ подмѣтить и схватить многія рѣзкія черты Украинцевъ. Посмотрите на его очерки, набросанныя съ натуры, во время ярмарки малороссійской.

Здѣсь вы видите «казака», теперь всѣ уже остатки прежнихъ рыцарей именуются каза-

ками, привезшаго на торгъ *брили*, щегольскія войлочныя шляпы, онъ надѣлъ себѣ на голову два бриля, это вывѣска его продажи, въ сторонѣ отъ него происходитъ торгъ за лошадь.

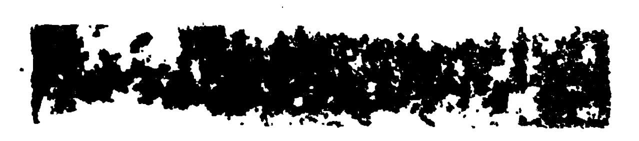
Второй очеркъ представляетъ кейфъ малороссіянина на ярмаркѣ, въ полдневный зной онъ преспокойно развалился на землѣ, положивъ подъ голову свиту и не безпокоится, чтобы кто нибудь осмѣлился похитить и малѣйшую вещь изъ его воза. Въ сторонѣ отъ него *частуются казаки*, угощаютъ другъ друга водкой, послѣ счастливой продажи.

На отдѣльномъ очеркѣ изображенъ «крамарь», продавецъ бакалейныхъ товаровъ, пряниковъ, орѣховъ и прочихъ лакомствъ, онъ показываетъ малороссіянкѣ вѣрность вѣса. Всѣ эти очерки живо представляютъ страну и народъ, въ другомъ мѣстѣ мы сообщимъ читателямъ и остальные рисунки покойнаго Штернберга, въ своемъ родѣ это право драгоцѣнность.

Малороссія слыветъ страною чисто поэтическою и это справедливо; не даромъ же и польскіе магнаты, на чрезвычайномъ сеймѣ въ Варшавѣ, въ 1659 году, въ рѣчи своей Королю Казимиру, назвали се плодоносным Египтомъ, землею обѣтованною, текущею медомъ и млекомъ, плодоносною, всѣмъ изобильною, изъ вѣка слывущую златымъ облакомъ.

10-50

[redacted]

C.

JA